

Евгений Мисюрин

МЫ НАШ МЫ НОВЫЙ

Евгений Мисюрин

Мы наш, мы новый...

«Мисюрин Евгений»

2020

Мисюрин Е. Б.

Мы наш, мы новый... / Е. Б. Мисюрин — «Мисюрин Евгений»,
2020

Обычный обыватель, неходячий пожилой инвалид возвращается с рыбалки и видит, как двое молодых отморозков грабят его дом. Пытается вступить и закономерно получает в лоб. Печальная и банальная история. Если, конечно, не присматриваться к её героям, особенно, к пострадавшему. Потому что тогда, словно из ниоткуда, появляются могучие межпланетные истребители, губительные космические аномалии, и целая планета амазонок, мечтающих о крепкой мужской руке.

© Мисюрин Е. Б., 2020

© Мисюрин Евгений, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Евгений Мисюрин

Мы наш, мы новый...

Здесь уже ничего не исправить. Господь, жги!

Глава 1

Восходящее солнце показало над горизонтом розовую макушку, и по вершинам стройных сосен пробежал первый яркий луч. Андрей Васильевич Сердюк прищурился. День обещал быть жарким. Он опёрся ладонями о деревянные мостки и передвинулся чуть левее. Длинный, сделанный из настоящего гусиного пера, поплавок неуверенно дёрнулся, на секунду погрузился примерно наполовину, но, видимо, решил не рисковать и неохотно вернулся в прежнее положение.

Андрей Васильевич протянул руку к удилищу и замер в готовности. Поплавок будто именно этого и ждал. Резко нырнул сразу сантиметров на десять под воду, подёргался там, вынырнул, и понёсся прочь от берега. Сердюк схватил удочку и привычным движением поднял над поверхностью отчаянно сопротивляющегося душманчика граммов на триста. Начало неплохое, подумал рыбак, опуская добычу в специально поставленное ведро.

Через три часа, когда прибрежная вода уже нагрелась, Андрей Васильевич аккуратно смотал и сложил удочку, сунул в старый, но добротный рюкзак прикормку и термос с чаем. Потом придвинул к себе ведро, вытащил из кармана выдавшую виды советскую авоську и опрокинул улов прямо в неё. Два душманчика, пяток мелких карасей и линь. Неплохо. Сердюк закинул лямки рюкзака на плечи, подцепил авоську пальцем, ухватился руками за деревянные перила и, достаточно ловко подтянувшись, лёг на них животом. После чего нашарил стоящие рядом костыли и сунул их подмышки, на ощупь определив, где левый, а где правый. Встал, глубоко вздохнул, и, волоча обе ноги, двинулся к стоящему возле мостков Аурису.

Идти было удобно. Сын, когда приезжал в прошлом году, залил дорожку до мостков бетоном, а из местных никто и никогда его место не занимал. Знали. Сердюк сгрузил улов и рюкзак в багажник, плюхнулся на водительское сиденье и привычным движением сунул костыли под бок – между креслом и стойкой. Посмотрел на часы. Да, десятый час. Как бы в пробку не попасть. Лето. Многие сейчас живут за городом, а на работу ездят на машинах. Но до дома он добрался беспрепятственно, то ли основная масса уже схлынула, то ли все вдруг решили начать ходить пешком.

А вот во двор въехать не удалось. Прямо перед сдвижными воротами стоял пошарпанный мерседес-четырёхглазка. Андрей Васильевич даже, кажется, знал, чей. Видел уже эту машину у Митьки. А тот, если память не изменяет, ещё года четыре назад связался с какими-то отморозками. И если сейчас приехал к нему...

Сердюк, забыв про вещи, как мог быстро вытащил костыли, мгновенно перенёс на них тело и похромал к дому. Точно. Вон, его в окне видно. С дружком каким-то.

– Ты что творишь?! – закричал он ещё с улицы.

Дверь была открыта, замок выломан. Вот идиоты, чини теперь за ними. Сердюк со всей скоростью ворвался в дом и сразу же услышал:

– Вован!

В лицо прилетел кулак, от неожиданности показалось, что он размером больше головы, и в глазах потемнело.

Без сознания он находился недолго. Когда очнулся, как раз услышал, как взревел неухоженный мотор мерседеса. Уехали. Значит, минут пять-десять прошло, не больше. Чего же они

здесь хотели? Взять у него нечего. Ни денег, ни зарытых в гараже сокровищ. Андрей Васильевич из положения лёжа оглядел комнату и пополз собирать костыли. Это ж надо ж? По всей комнате раскидал, добираться до них теперь. И только поднявшись на ноги, обратил внимание на стену напротив дивана. Картины не было.

Он повесил это полотно в далёком девяносто девятом, привёз его в Россию вместе с женой. История старая, все друзья и знакомые в курсе его последнего рейса. Они тогда очень хорошо попали под Джамбой. Савимби со всей своей партизанской армией драпал, бросив всё, в том числе и тот десяток двадцать седьмых СУшек, что остались со времён дружбы с СССР. УНИТовцы уходили почти в чём мать родила, и лётчикам, которых официально там вроде бы, как и не было, пришлось, собрав горючку откуда только можно, в спешном порядке линять в Луанду.

В Джамбе он её и встретил, практически на ВПП. Вера смотрела на него глазами брошенной собаки. Загорелая почти до черноты, худая, как вешалка для пальто, с микроскопической сумочкой и плоским квадратным свёртком подмышкой. Если бы она тогда не заговорила по-русски, Андрей улетел бы один. А так...

Он еле-еле упибал девушку на место курсаната в учебный СУ-33, кое-как пристроил картину, которую та ни за что не хотела бросать, и всю дорогу до порта плёлся чуть ли не на свержмалой, потому что что-то случилось со второй кислородной маской. И ни разу впоследствии об этом не пожалел. Каждому бы такую жену. Они любили друг друга до самой Вериной смерти, а потом, когда прошли девять и сорок дней, картина стала для Андрея Васильевича ещё более ценной. Последняя память о единственной в его жизни любимой женщине.

Небольшое в общем-то полотно, примерно, как средних размеров монитор. На нём в примитивном стиле, с яркими, бьющими по глазам цветами и чётко очерченными контурами, изображена она, Вера. Сам бы Сердюк ни за что не узнал в этой плакатной девочке-подростке жену. Вера рассказывала, как в восьмидесятых, почти одновременно с их семьёй, в Анголу приехал неизвестный ей тогда Энди Уорхол и, вдохновившись, тут же сделал её фото возле роскошного, хоть и старого, кабриолета. А через неделю принёс картину и подарил просто так, без денег.

Продаст ведь, огорчённо подумал Сердюк. Спихнёт за копейки, ищи её потом. Так что следовало поторопиться, пока есть возможность решить эту проблему по горячим следам. Где живет Митька, известно. Минут двадцать на машине. Так что...

Андрей Васильевич протёр ладонью заплывающий левый глаз, ухмыльнулся каким-то мыслям, и, громко стуча костылями по полу, пошёл в прихожую. Вернулся с топором в руке. Поплевал на ладони, поправил костыли подмышками, и, крикнул, ловко подцепил остро заточенным лезвием намертво прибитую к стене деревянную полку. Пара рывков, и раздался стук упавшего на пол дерева. Сердюк постучал обухом по штукатурке, откалывая большие куски, и через минуту уже держал в руке свёрток из промасленной бумаги. Одно движение и ладонь сжимает фасонистый хромированный пистолет Глок-17 первого поколения, с рамой, выполненной под слоновую кость и замысловатой гравировкой на ствольной коробке. Андрей Васильевич ловко выкинул на ладонь магазин, проверил заряд, и со щелчком вставил обратно. Хмыкнул, сунул оружие во внутренний карман куртки, и пошёл к выходу.

Машины возле Митькиного дома не было, но свет в его окнах на втором этаже горел. Сердюк некоторое время задумчиво разглядывал простые занавески в разноцветный кружок, прикидывая, стоит ли подниматься. Может, там и нет никого. Но вот штора отодвинулась и на тротуар красным огоньком свалился окурок. Дома...

Подниматься по лестнице, подтягиваясь левой рукой и придерживая оба костыля правой было привычно и даже удобно. Вот она дверь. Металлическая, многослойная. Такую не только из пистолета, из гранатомёта не взять. Звоним.

С той стороны послышался металлический лязг и дверь тяжело, как вход в бомбоубежище, распахнулась. За ней стоял тот самый загадочный Вован, чей кулак так неудачно поймал лицом Сердюк.

– Ты? – раздался голос с обеих сторон.

Молодой человек сориентировался быстрее и через секунду уже сжимал в руке модную по современным временам бейсбольную биту. Андрей Васильевич задержался с Глоком не больше, чем на полсекунды. По подъезду прокатился оглушительный звук выстрела и теперь Вована опознать будет сложнее – одиннадцать с половиной миллиметров свинца с одного метра раскалывают голову как спелый арбуз.

Да, усложнил я себе задачу, подумал Сердюк и захлопнул за собой дверь. Митьки в квартире не было. Вообще никого не было, это сразу чувствуется. Не нашлось, к сожалению, и картины. Андрей Васильевич быстро пробежал по комнатам, заглядывая во все возможные места. Не иголка всё-таки, в карман не спрячешь. Но увы, поиски не принесли результата. Сердюк печально вздохнул и торопливо пошёл на выход. Соседи несомненно уже вызвали наряд, и в его распоряжении осталось не более пяти минут. Одно радовало, на инвалида возрастом за полтинник подумают в последнюю очередь.

Уже сидя в машине Сердюк отдышался и обдумал ситуацию. Ну и влип... Хорошо, хоть припарковался не совсем у подъезда, может не обратят внимания. Но уезжать следует как можно скорее.

Минут через пять его отвлёк от дороги звонок мобильного. Андрей Васильевич нажал кнопку и салон заполнил давно знакомый голос.

– Алло, Хохол. Ты там как, головкой не ударился?

– Привет, Матвей. Спасибо, рад, что интересуешься моим здоровьем. Но вот, представь себе, не сам ударился, меня ударили.

– Ага, ну и ты, конечно, в долгу не остался. У тебя что, крыша поехала? Ты знаешь, что ты наделал, Хохол? Ты вообще где сейчас?

– Домой еду.

– А вот этого не надо, понял? Ты территориально где?

– Где, где... На бороде! – с неожиданной бесшабашной весёлостью ответил Сердюк.

– На бороде, на бороде, – задумчиво повторил Матвей. – Ага! Там в двенадцатом по Карла Маркса есть кафе. Жди меня в нём. И это... Машину загни во двор, не свети. Ничего, прогуляешься. Я минут через десять буду.

Собеседник повесил трубку, не дожидаясь ответа.

Кафе было маленьким и при других обстоятельствах могло показаться уютным. Но сейчас Сердюку было не до того. Он дохромал до дальнего столика, привычно прислонил костыли к стенке, и заказал кофе. Принесли сразу же, будто ждали. Он сделал глоток, поморщился. Приличные люди растворимый кофе в кафе не подают. Положил подбородок на руки и задумался. Быстро Матвей позвонил. Не иначе, машина всё-таки засветилась.

Женьку Майорова с нелогичной кличкой «Матвей» он знал давно, с первого курса. Ещё там, на абитуре, в первый же день вновь прибывший будущий курсант протянул ему в числе прочих руку и лаконично представился:

– Матвей.

– А фамилия? – Закономерно спросил Андрей.

– Да нет, – произнёс новичок типичную невероятную для иностранца фразу. – Матвей – это прозвище. Давно уже. А так я Женька Майоров.

– Сердюк, – ответил Сердюк. – Андрей.

– Хохол что ли?

Не сказать, что из этого вопроса выросла кличка или позывной, но время от времени, под настроение, Матвей звал Сердюка хохлом, хотя и знал, что тот приехал в Качу из распо-

ложенной рядом Дубовки. Качей, или аулом, между собой называли лётное училище, хотя оно давно уже переехало из-под Севастополя в Волгоград. Но название не сменило – КВВАУЛ – Качинское Высшее Военное Авиационное Училище Лётчиков.

Общались Хохол и Матвей до самого выпуска, после чего потеряли друг друга до нулевых. Сердюк с его пятёрками после получения погон отправился сначала в ГСВГ, а затем по немногим другим оставшимся зарубежным базам. Так и посещал Родину наездами, пока не списали подчистую из-за перелома позвоночника. Повезло, удалось оформить бытовую травму как боевое ранение, со всеми полагающимися выплатами и льготами. И с сертификатом, которого как раз хватило на уютный домик в небольшом райцентре Волгоградской области.

А через месяц после новоселья к ним с Верой в гости пришёл Матвей. Посидели, повспоминали. Оказалось, Женька рапортом ушёл из Североморска, когда в Мурманской области вообще плохо стало со снабжением. Вернулся в родной Волгоград и поступил в органы правопорядка. А сейчас приехал к ним. Теперь уже начальником райотдела.

Сейчас Матвей уже был пенсионером, время от времени выезжал с Сердюком на рыбалку, или просто жарил шашлыки во дворе. Но почему-то, несмотря на статус, всегда был в курсе криминальной обстановки в городе и окрестностях. Вот и сейчас он тяжёлой походкой подошёл к столику и молча протянул руку. Андрей посмотрел на старого друга.

– Давай, – коротко потребовал тот.

Сердюк тяжело вздохнул, вынул из кармана пистолет и, стараясь не светить оружием на весь зал, передал ствол Майорову. Тот хмыкнул, мельком разглядывая хромировку, шикарную раму, затем сел напротив и пояснил:

– Выкинем по дороге, чтобы всё чисто было.

Матвей помолчал, как бы думая, с чего начать, потом задал вполне предсказуемый вопрос:

– Ты вообще понял, что натворил?

– А что было делать, Матвей? Этот бугай за битую взялся. А мне много надо что ли? А у них картина. Та самая, ну ты видел. Где Вера.

Сердюк сбился на быструю, несвязную речь, видимо отпустили взвинченные нервы. Он беспорядочно водил над столом руками и часто моргал.

– Послушай меня, Хохол, – прервал друг. – Эта картина, сам знаешь, немаленьких денег стоит. Но дело не в этом. Беда в том, что Хорь собрался в предметы искусства вкладываться. А Вован – его человек. И был у тебя по его заданию. Ну что, теперь понял, во что ты вляпался?

Сердюк помолчал, с хлопком опустил ладони на стол и ответил:

– Мне плевать, сколько она стоит. Там Вера. Её надо вернуть.

Матвей картинно закатил глаза.

– Нет, Хохол, тебя точно сильно по башке приложили. Тут тебя надо куда-то прятать, а не поперёк Хоря лезть. Ты знаешь, что он к мэру дверь пинком открывает и каждый месяц в Москву, не в Волгоград, чемодан зелени отвозит? Ты понимаешь, что он тебя прямо на улице пристрелить может и ему судья только спасибо скажет?

– Верни ствол, – глухо буркнул Сердюк.

– Хрен тебе по всей глупой морде. – Матвей скрутил массивную, смачную дулю и повертел перед носом друга. – Ты его уже засветил. Думаешь, на тебя киллер со Стечкиным пойдёт? А вот хрен! Подъедут на джипе, расчихвостят машину с АКМа, и всё. Ку-ку, Гриня. Надо им под пулю подставляться.

Он по-хозяйски схватил чужую чашку и сделал жадный глоток.

– Что будете заказывать? – Рядом со столиком остановилась молоденькая официантка в униформе – белой блузе, поверх которой был надет чёрный передник. Она явно волновалась и чего-то боялась.

– Иди, девочка, – походя отмахнулся Матвей и официантка торопливо зацокала каблучками прочь.

– Пойми, Хохол, Хорь не тот человек, чтобы так всё оставить. Ему этот Вован и на дух не всрался. Но это его человек. И если узнают, что он спускает убийство своих людей... – он сделал ещё один глоток.

– Короче, – нетерпеливо произнёс Сердюк.

– В общем, так.

Майоров нетерпеливо оглянулся, поискал глазами официантку и широко махнул ей рукой. Девушка мгновенно подбежала.

– В общем, девочка, – Матвей сделал ладонью несколько торопливых круговых движений. – Собери нам с собой. Пирожков, там, ещё чего.

Официантка профессионально улыбнулась и неторопливо начала:

– У нас в меню есть широкий выбор алкогольных напитков. Коньяки, водки...

– Ты что, русского не понимаешь? С собой нам заверни.

Он некоторое время разглядывал обалдело таращившуюся на него девушку, потом махнул рукой.

– Кто тут из начальства есть?

Через минуту у столика стоял администратор, а официантка уже несла полиэтиленовый пакет с пирожками и бутербродами.

– Воды захвати! – Крикнул ей Матвей.

Когда они вновь остались одни, Майоров чуть наклонился к собеседнику и заговорщицким шёпотом спросил:

– У тебя дома что-то ценное осталось? Потому что лучше туда не соваться.

– Ты сначала поясни ситуацию, – как можно более спокойно ответил Сердюк. – Оттуда и будем решать, что ценное, что – нет.

Майоров профессиональным взглядом окинул пустой зал и, понизив голос, продолжил:

– Был у нас в октябре на Дону человек один. – Он многозначительно поднял глаза к потолку. – Оттуда. Поведал он мне про одну мутную московскую конторку, которая по всей стране бывших истребителей собирает.

Он привычным взглядом поискал на столе спиртное, но не нашёл, поэтому отхлебнул ещё кофе.

– Рассказывают про них, что, будто, готовят те пилотов для ВВС, но на удалённое управление самолётами. По радио, или ещё как. И сами вообще никому не подчиняются, ни оборонке, ни гражданской авиации, ни федералам никаким. Есть какой-то куратор от МО, но те его дальше холла не пускают.

Сердюк хмыкнул, Матвей ответил симметрично и продолжил.

– Думаю, он меня вербануть хотел, чтобы я в эту контору влез и ему расклад дал, потому и рассказывал так много. Но, ты же знаешь, я-то сам не истребитель. Нас как на шеснаки после аула переучили, так я в мелочь всякую больше и не садился. А после того, как их с вооружения сняли, мне в Ваенге тоже делать нечего стало.

– Мелочь, – Сердюк хмыкнул. – Этой мелочи достаточно, чтобы от твоего ту шестнадцать пух и перья полетели.

Женька звучно хлопнул ладонью по столешнице, требуя тишины, потом строго зыркнул на высунувшуюся на звук официантку, и когда она вновь скрылась, продолжил:

– Не о том, Андрюха. Не о том. Ты слушай внимательно, я второй раз только для дебилов повторяю.

Друзья синхронно хмыкнули.

– Я потом интересовался через своих московских друзей, – он загадочно и многозначительно улыбнулся. – Нашёл адрес этой конторы, кое-что ещё узнал.

– Ну? – нетерпеливо спросил Сердюк.

Фирма, которая готовит пилотов из бывших истребителей, крутилось у него в голове. Пусть даже удалённо, виртуально. Но самолёты-то дают настоящие, а значит, вновь летать! Пусть и не по-настоящему, как на тренажёре. Но это будут настоящая птичка, пусть даже где-то далеко, реальные задания, натуральные цели. Взлёты, посадки. Противник впереди и группа боевых товарищей рядом. Он размечтался настолько, что пропустил продолжение речи друга.

– Они заключают контракт на три года, погружают тебя в виртуальную обучалку, и всё. Тебя всё это время никто не видит, ни карта твоя нигде не светится, ни симка. А там, или шах помрёт, или ишак сдохнет.

Сердюк только сейчас заметил, что тяжело и возбуждённо дышит. Он оглядел стол, на котором лежал пакет с пирожками, мазнул взглядом по притулившимся к стенке костылям, и вдруг...

– Не пойдёт, Матвей. Какой я лётчик? Я инвалид. Даже как у Маресьева не получится. У того только ступней не было, а у меня вообще ноги не работают.

– Вот не так я тебе хотел это всё рассказать, не так, – друг широко улыбнулся. – Думал, сядем вместе на бережке, я тебя и обрадую. Но, ты сам виноват.

Он развёл руками, но губы так и остались растянуты в улыбку.

– Короче, Маресьев. Ждут они тебя. Я договорился. Так что, если документы с собой, то поехали. Я тебя до самого порога доведу и с рук на руки сдам.

До столицы добрались за рекордные восемь часов. Иногда, глядя, как Жека Майоров, вполголоса матерясь, выкручивает руль своей Икс пятой, обходя попутных чуть ли не в лоб встречным, Сердюк ловил себя на завистливой мысли, что хорошо быть начальником райотдела, пусть даже бывшим. Никаких ограничений скорости.

В самой Москве после безумной гонки по трассе казалось непозволительно медленно ехать каких-то восемьдесят, а чаще вообще двадцать. Но вскоре мелькнули набережная, Садовое кольцо, ещё какой-то десяток поворотов, похоже, Матвей не очень хорошо ориентировался в центре, и машина с трудом втиснулась возле тротуара на Гончарной.

Майоров со смешанным чувством посмотрел на друга. С одной стороны, он прекрасно понимал Хохла. А с другой... Длительный опыт общения со всё набирающим силу и власть, сливающимся с государственными структурами, криминалитетом, накладывал свой отпечаток на видении мира и образе мышления. И этот самый образ мышления не мог позволить действовать так безрассудно и, чего греха таить, по-дурацки. Ну чего он добился-то? Как ни крутись, а плетью обуха не перешибёшь.

Хохла уже давно увели вглубь сияющего лампами дневного света помещения, а Матвей всё сидел в кресле холла, и, чтобы не уснуть, прокручивал события последних суток, вероятные последствия и его возможные действия в свете этих событий.

– Доброе утро. Это вы привели Андрея Васильевича?

Он, оказывается задремал. Надо же, и не заметил. Майоров сфокусировал взгляд на девушке в стандартной офисной униформе – узкая чёрная юбка, белая блуза, на груди – бейдж с именем. Имя тоже было стандартным. Даша. Ни должности, ни подразделения. Он коротко кивнул.

– Понимаете, видимо, организм вашего... Это ваш брат? – Она попыталась изобразить на лице печаль.

– Друг. – Коротко поправил Матвей. Он уже понял, о чём ему сейчас скажут.

– Как я могу к Вам обращаться? – задала стандартный вопрос Даша.

– Девушка, пожалуйста, короче. Я очень спешу.

Даша посмотрела в глаза собеседнику. Эти глаза явно видели смерть, и не одну. Она кивнула, скорее для себя, и спросила:

– Я могу отдать вам документы Андрея Васильевича? Извините, сердце не выдержало тестовых нагрузок. Мы сделали всё, что могли.

Маленький, три на четыре, кабинет напомнил детство, врачей, поликлинику. Два узких, характерных для центра Москвы, окна, стены, окрашенные в казённый голубой цвет. Напротив деревянной двери низкая кушетка с очень условной толщины матрацем, на столе в стакане обычные ртутные градусники, подсознание отказывалось воспринимать их как термометры, с ними длинные медицинские лопаточки из нержавейки и рядом пара стопок листов писчей бумаги. В голове против воли пронёсся запах мази Вишневского и вкус ультрафиолетового облучателя для горла.

Андрей Васильевич посмотрел на сидящего напротив полного молодого человека с заплетённой в широкую косу бородой, и в чёрной футболке с броской надписью по-английски «Заболела моя утка», хмыкнул, поняв, что в словах нарочно поменяли местами буквы «U» и «I», взял ручку, и принялся заполнять анкету.

Реальные вылеты... А какие они ещё могут быть? Конечно, да. Сколько часов... Боевые вылеты... Места службы...

– Скажите, Артемий, – поднял он глаза.

– Да? – молодой человек чуть искусственно улыбнулся и отложил какой-то гаджет.

– У меня большинство мест службы и боевых вылетов до сих пор не рассекречено. Что писать?

– А! Да так и пишите – секретно. Это всё равно внутренняя анкета, она нужна лишь для подтверждения того, что вы нам подходите.

Ну, сами напросились. Андрей Васильевич усмехнулся. В таком случае считай, вся анкета под этот гриф попадает. Обнародовать можно будет лишь стандартное согласие на обработку персональных данных и добровольное согласие на обследование.

Писал он минут десять, и всё это время казалось, что молодому человеку не важна информация в анкете, ждёт лишь, пока клиент закончит. Поэтому было не удивительно, что, лишь мельком глянув на заполненные ровным, убористым почерком листы, Артемий поднялся и поленински протянул руку вперёд.

– Идёмте.

– Куда? – Не понял Сердюк.

– Будем вас обследовать. Не бойтесь, ничего страшного не произойдёт.

– Обследовать? – ничего не поняв, переспросил Сердюк.

Артемий кивнул.

– Полное погружение, – он поболтал пальцами над своей лысеющей головой. – Вам известно, что это такое?

И, не глядя на недоуменное пожатие плечами, продолжил:

– Это когда мозг считает, что всё вокруг реально. А нервная система, как вам известно, управляет всем организмом. Вы, должно быть, слышали про первые опыты в сфере суггестии? Когда гипнотизёр внушал пациенту, что прижигает ему руку сигаретой, а сам касался карандашом. Пациент получал реальный ожог.

– А это? – Сердюк указал на костыли.

– Ну, физически ноги вам будут не нужны. А вот психологически мы сейчас всё и выясним. Идёмте.

Они прошли через неприметную дверь в смежную комнату и первое, что бросилось в глаза – это огромный, быка засунуть можно, томограф. К удивлению Андрея Васильевича, здесь тоже не было людей в белых халатах. Кнопки аппарата нажимал всё тот же жалеющий больную утку молодой человек.

– Раздевайтесь, – деловито бросил он.

Принял одежду, потом костыли, рассеянно бросил всё куда-то в сторону, на стул, помог бывшему лётчику улечься на холодную, жёсткую каретку прибора, и вернулся к пульту управления. Сердечко поёжилось от соприкосновения с ледяным металлом, где-то сзади глухо загудел мотор и его втянуло в тёмное нутро. Тут же по телу, как в сканере, пробежал мертвенно-голубой луч яркого, будто от электросварки, света, вокруг загудело. Волосы на голове и всём теле встали дыбом и запахло озоном. Над головой по очереди с со щелчками загорались белые лампы, электромагнитное поле достигло такой напряжённости, что ощущалось уже безо всяких приборов, самим телом. Массивный томограф завибрировал сначала еле заметно, но потом всё сильнее и сильнее. Внезапно через оба виска Андрея Васильевича ударил электрический разряд, тело изогнулось дугой, и сознание камнем ухнуло прямо в ненасытное Великое ничто. Последняя его мысль была о картине, которая теперь так и останется в чужих безнаказанных руках.

Глава 2

Свет. Маленькая, еле заметная, точка через несколько секунд превратилась в ослепительную звезду, ещё через минуту стала светлым кружком, и Андрей Васильевич почувствовал, что он летит. Не было ни притяжения, ни сопротивления воздуха, ни рёва двигателей, ни мелькающей внизу местности. А главное, никаких приборов. Интересно, подумал он, в кабине приборы уже не замечаешь. Вроде, и не смотришь на них никогда и только словно сами собой откладываются в памяти нужные параметры. А тут их нет, и, оказывается, без приборов почти вообще никак. В таких условиях только настоящий истребитель может заметит полёт. Только какой-то несуразный. Вроде бы, Сердюк стоял вертикально, как на полу, правда, ни на что не опираясь, и в то же время стремительно двигался вперёд.

Вот он, свет в конце тоннеля, отметил про себя лётчик. Но в такой позе лететь очень некомфортно. Он лёг на грудь, как пловец на воду, раскинул руки. Так Андрей чувствовал себя гораздо привычнее. Не хватало только перегрузок и чувства разрезаемого воздуха. Ну и данных по полёту. Из всех ориентиров оставался один светлый круг впереди, к которому он и двигался. Но это уже хоть чуть-чуть становилось похоже на привычный полёт. Сердюк завалился на правую руку и выполнил простейшую бочку.

Отсутствие горизонта свело на нет всё чувство пилотажа. Какой смысл переворачиваться, если земля и небо вертятся вместе с тобой? Ощущения полёта на спине не было. Он ещё немного повертелся. Попытался сделать свечку, потом петлю Нестерова, но отсутствие горизонта не позволило. Его равномерно тянуло к свету. Половина удовольствия от полёта пропала, осталось лишь монотонное механическое движение, как в пассажирском лайнере. Тогда он напрягся, пытаясь мысленно разогнать свой несуществующий летательный аппарат до максимальных скоростей, и на полном ходу влетел в ослепительное пятно.

Вспышка, заставившая до щелчка распахнуть веки и тяжело задыхаться. Будто вынырнул с критической глубины. Сердце колотилось, и пришлось сделать несколько принудительно глубоких, медленных вздохов, чтобы успокоить пустившийся вразнос мотор. Минута, и он уже спокойно лежит на той же самой каретке, что и до своей смерти. Или не смерти? Что-то всё вокруг не напоминает ни рай, ни ад.

Андрей Васильевич огляделся. Он находился в странной ёмкости, чем-то напоминающей кошачий лоток. Низкие эмалированные бортики, мелкая металлическая решётка на полу, под которой чувствуется влага. Кошачьего запаха, к счастью, не было. Это явно не томограф. Да и помещение совсем другое. Стены покрыты панелями из лучших сортов ценного пластика, потолок представляет из себя одну большую плоскую лампу. А сам он лежит абсолютно голый. Хоть бы трусы оставили, обиженно подумал Сердюк. И тут же заметил на стоящей рядом с его контейнером низкой этажерке пару кроссовок светло-серого цвета, а на полочке над ними комбинезон в тон. Чистое бельё подогнали, как после бани. Что же, стоит одеться. Только вот как добраться до одежды? Интересно, ноги они не отремонтировали? Он решил для проверки поднять правую. Как там? Нужно напрячь вот эти мышцы... Сейчас попробуем... Ничего не получилось, нога осталась неподвижна. Вот и ответ. Даже на том свете его никто бесплатно лечить не будет. Остаётся придвинуться на руках и...

Кое-как подцепив комбинезон, Андрей Васильевич машинально засунул правую ногу в штанину и замер. Конечность функционировала штатно. Как так-то? Он попытался впихнуть левую. Надо приподнять бедро... Ни фига. Ну и хрен с ним, одеваться надо. Он, не задумываясь, напялил комбинезон, при этом нога сама сделала всё как нужно. Спрыгнул со своего кошачьего лотка, и сделал пару шагов. Работает!

– Эге-ге!!! – В голос закричал Сердюк и в порыве чувств попрыгал сначала на правой ножке, потом на левой.

Всё работало. Ноги были абсолютно здоровы. Но почему тогда не получалось задействовать их сознательно? Он задумался. В голову ничего не приходило. Да и ладно, махнул про себя рукой Андрей Васильевич и тут же понял – он просто отвык напрягать ноги. Почему-то вспомнилось: «Нельзя попробовать поднять руку. Можно только поднять её». Кажется, на каком-то тренинге в интернете какой-то тамошний умник так говорил. И надо же, оказался прав.

Сердюк сделал несколько восторженных шагов по кабинету и внезапно остановился, сражённый мыслью. А дальше-то что? Ну, ноги ему подшаманили, но ведь не для того, чтобы запереть в этой комнате? Тут ни стола, ни унитаза. Что дальше-то делать?

Внезапно перед глазами появилась надпись: «Базовый коммуникатор ID: FE4B976FE4B976F7E0F7E03E3EF8F8-114 активирован. Желаете установить личный идентификатор?». Вот будто прямо перед глазами висит стеклянный экран, на который выведена эта надпись. Сердюк повертел головой. Объявление послушно следовало за фокусом глаз.

– Вот она какая, виртуальная реальность, – пробормотал еле слышно Андрей. – И как мне этот идентификатор поменять? Не хотелось бы отзываться на подобную белиберду. Да и в бою такой позывной...

Он недовольно поцокал языком.

– Как тут вообще текст ввести? – уже громче потребовал Сердюк.

И сразу же узнал. Существовало три базовых способа. Можно было после команды «Текст» начать проговаривать вслух, и тогда интерпретатор сам переделывал звуки в буквы. Недостатком являлось произношение, из-за которого получившийся текст приходилось корректировать. Второй способ годился для коротких предложений или одиночных слов. Нужно было представить нужную фразу из букв и поместить их в требуемое место. Минусом была длина текста. Понятно, что «Войну и мир» в уме побуквенно не представишь. Третий способ – виртуальная клавиатура. В левом верхнем углу, прямо под бровью, загорелся еле заметный значок.

– Чёрт, откуда я это знаю? – обалдело спросил сам себя Сердюк, и тут же понял, откуда. Базовые коммуникаторы снабжены развёрнутой справочной системой, описывающей все документированные функции.

– Вот, блин, – проворчал лётчик.

Он представил слова «Андрей Васильевич» перед глазами. Буквы разбегались, и чтобы собрать их в нужной последовательности пришлось повозиться. Минуты через три это удалось, но при попытке вставить с трудом собранную строку вместо той абракадабры, что сейчас являлась идентификатором, отчество всё равно расплывалось. Он оставил только «Андрей». Получилось гораздо быстрее, но перед глазами всплыло окно: «Этот идентификатор занят. Желаете изменить на Андрей 45F034?».

– Однозначно нет, – от негодования вслух отказался неопытный пользователь и задумчиво добавил. – Значит, наших тут немало. Может, кого из знакомых встречу?

Он попробовал «Хохол», но, видимо, украинские братья тоже активно использовали виртуальность. Хохлов было поменьше, восемьсот с чем-то, но позывной с длинным номером всё равно не хотелось брать. А вот «Сердюк» почему-то прошёл. Даже первым. Лётчик очень удивился, что такая распространённая в незалежной фамилия в виртуальном мире ещё не представлена. Но, плохо ли, хорошо ли, а базовый коммуникатор с идентификатором «Сердюк» начал работу. И первым делом указал своему пользователю на дверь. В прямом смысле. Одна из панелей стены тут же подсветилась красным и над ней появилась надпись: «Дверь в коридор. Закрыта. Желаете воспользоваться?». Естественно!

В коридоре пахло озоном. Пахло? Когда это Андрей Васильевич пропустил передачу запахов через интернет? Хотя, не такой уж он и ярый пользователь. А вот то, что никого нет, это не понравилось. Сердюк прошёл вперёд, выбрав естественное для мужчины направление

– налево. Через пару десятков метров коридор свернул в большой светлый зал. Вот тут уже было полно народа.

Кроме людей, в глаза бросалась некая неправильность освещения – будто сквозь зелёное стекло. Спектр, как в лесу, когда лучи пробиваются через листву деревьев. Цвет приятный, но очень непривычно. Второе, что он заметил – светящаяся панель во всю стену. На тёмно-зелёном, почти чёрном фоне менялись светло-зелёные цифры. Обычное, двадцатичетырёхчасовое время. Если верить часам, то без двадцати минут полдень. Второй строчкой, поменьше, мелькали убывающие секунды. Обратный отсчёт. Судя по всему, оставалось не более трёх минут до какого-то события. Понадеявшись в душе, что это не взрыв, Андрей двинулся в обход зала.

Он наслаждался каждым шагом нормально работающих ног. Чувствовал, как в подошвы упирается гладкий ровный пол, как обдувает щиколотки невесть откуда взявшийся сквозняк... Ощущать себя вновь здоровым было не просто приятно. По сравнению с этим щемящим чувством все наркотики мира меркли. Припомнилась поговорка, слышанная когда-то в Анголе: «Хочешь сделать человека счастливым, забери у него что-нибудь ценное, а потом верни». Всё абсолютно точно. Сейчас Сердюку было плевать, что будет дальше, какие неприятности могут случиться с ним в этом виртуальном мире, главное – вот. Ноги! Они ходят, он их чувствует. Чувствует, как по очереди напрягаются мышцы при каждом шаге, чувствует, как упираются в пол сначала пятка, потом потихоньку вся стопа, чувствует, как при движении ногу обдувает поток воздуха... Он чувствует себя полноценным!

– Э, мэн, ты чего скалишься как смайлик?

Он отвлёкся от внутренних ощущений и посмотрел на стоящего перед ним худого молодого человека, над которым пунктуальный базовый коммуникатор зажгёт надпись: «Нагибатор3031».

– Чего? – Андрей не понял вопроса.

– Чего улыбаешься, нуб? Или в виртуалки никогда раньше не играл? Как тогда тебя взяли-то?

Андрей осторожно посмотрел на «Нагибатора», которого в этом состоянии мог бы перешибить пополам одной левой, и ответил:

– Я лёгчик.

– А! – собеседник хлопнул себя по лбу. – Так ты человека сам выбрал? А мне вот не дали, жадюги. Я танк, понимаешь? Хотел за орков биться, а вошёл вон.

Он с неприязнью обвел руками своё худое тело и брезгливо отряхнул ладони.

– Но тут, видать, как везде. Нужные расы только нужным людям.

Нагибатор обвёл рукой зал, и Сердюк только сейчас заметил, что далеко не все присутствующие были людьми в анатомическом смысле этого слова. Кое-где группировались здоровяки не ниже трёх метров, а в двух местах он увидел типичных гномов – широкоплечих коротышек. Одна группа была с бородами, другая почему-то без.

– Как тебя зовут? – спросил он у Нагибатора. Обращаться по такому дурацкому имени не хотелось.

– Не видишь, что ли? – зло ответил тот. – Или у тебя базком барахлит?

– Не барахлит. Но называть тебя Нагибатором – себя не уважать. Имя хоть есть?

– Ну есть, – неохотно подтвердил Нагибатор. – Паша я.

– Да... Редкое имя. А фамилия?

– Не люблю я её.

– Прекрати. У меня фамилия Сердюк, и я ей горжусь. Её известный кораблестроитель носил, тот, который подводную лодку «Малютка» придумал. А у тебя?

– Ну понятно, – обиженно протянул собеседник. – Ты потому и ник от фамилии выбрал. А если я своей назовусь, все обожгутся.

– Это какая?

– А ты смеяться не будешь? – совсем по-детски скривился Паша.

В ответ Сердюк уверенно повертел головой.

– Полусухой, – еле слышно произнёс Нагибатор.

– Как?! Полу... Ты – Павел Полусухой? – Андрей еле сдерживал смех. – Дельтапланы проектируешь? Или зонтики?

– Хорош ржать! – взвился собеседник, но тут успокоился и спросил. – А почему дельтапланы?

– Ну, – Сердюк развёл руками, показывая всю очевидность вывода. – Павел Сухой проектировал самолёты. Ты – Полусухой, значит что-то классом поменьше. Дельтапланы там...

– Чё, правда? – поднял глаза Паша.

Взгляд, как у побитой и прощённой собаки, отметил про себя Андрей Васильевич. А вслух спросил:

– Что правда?

– Ну, про самолёты. Их что, Сухой проектировал?

– Ну да, Павел Осипович. Ты что, не слышал про СУ-27 и так далее?

– Подожди... – собеседник смешно наморщил нос. – Это же которые сушки, верно?

– Ну да, они самые.

– Так их Сухой проектировал? И чё, правда Павел?

– Осипович. Всё верно.

– Вау!!! А я тогда Полусухой! Почти как он! Офигеть... – Он хлопнул Сердюка ладонями по плечам. – Где же ты раньше был, когда я ник выбирал?

– Тоже ник выбирал, – весело ответил Андрей.

– А тебя-то как звать?

– Андрей Васильевич.

– О, как. Васильевич. Чего строжишься, Васильевич?

– А ты сам подумай. Вот сколько мне лет по-твоему?

– Ну, – собеседник изобразил на лице работу мысли. – Ну, допустим, тридцать. Но здесь-то какая разница? Это виэр. Глянь на себя.

– Как? – удивился Сердюк.

И сразу же понял, как. Внимательный базовый коммуникатор, или как называл его Паша Полусухой, «базком», тут же впихнул в голову необходимые сведения. Эх, так бы матчасть преподавали, пожалел бывший лётчик, быстро и без зубрёжки. Он подошёл к ближайшей панели и вызвал свой внешний вид. В груди зашипало. Жаль, что это всего на три года, грустно подумал он. Передним стоял тот же Андрей Сердюк, что получал новенькие лейтенантские погоны на плацу. Веки против воли задрожали.

– Так сколько тебе лет в реале, лётчик? – Паша хлопнул сзади по плечу.

– Пятьдесят два. – Нужно было срочно сменить тему, и он спросил. – А ты, значит, танкист?

– Чего? – собеседник засмеялся. – Я? Да идите вы сами строим в баню, понял? Я танк!

– Ну да, вижу. Башня вон, непробиваемая, и ствол в штанах торчит.

– Нубяра! – Паша отвернулся, но хватило наигранной обиды ненадолго. – Я в РПГшках за танка гамаю, понятно?

– Нет. Поясни для самолётов.

– Ну, в играх я шпилю за танка. И если на рошана идём, то меня первого дамажат, потому что защита офигенная. Ну и я тоже в ответ, а ДДшки сзади ждут, а потом в оверхит башат. Так ясно? – он ехидно улыбнулся.

Но ответить не удалось. Базовый коммуникатор предложил глянуть на табло. Обратный отсчёт на светящейся панели пропал. Теперь на его месте мигал идентификатор Андрея, рядом цифра «3» и стрелочка вправо.

– Меня вызывают, – коротко оборвал диалог Сердюк, и двинулся в указанную сторону.

В комнате три сидел самый типичный, стопроцентный боевой генерал-майор. С мужественным ёжиком волос стального цвета, органичным шрамом через щёку, лампасами, дубовыми листьями, и огромной, почти маршальской, звездой на погонах. Весь вид хозяина кабинета внушал уважение и желание встать грудью на защиту своей виртуальной Родины. Сердюк замер в двух шагах от стола, рука сама рванулась к виску, но тут же остановилась – фуражки нет. Вместо этого он вытянулся в струнку и чётко доложил:

– Товарищ генерал-майор, майор в отставке Сердюк Андрей Васильевич. Представляюсь по случаю прибытия к месту прохождения дальнейшей службы.

В виртуальность генерала не верилось совершенно. Ну зачем ради обучения пилотов истребителей, пусть даже удалённых, городить такие сложности? Нарисовали кабину, похожую на реальную сушку, и вперёд. Два дня и из опытного настоящего боевого истребителя у вас готовый виртуал. А можно же и совместить, действующих дообучить. А тут вон какая конструкция. Хотя... Может, на новые модели учат, например, заатмосферники какие-нибудь. Ну а что? В стратосфере вон, уже как по шоссе рассекают, так почему бы выше не подняться? Теоретически у реактивных самолётов потолок ограничен только тягой. А весь этот футуризм придумали чтобы, во-первых, секретносителей не плодить – что делал? В компьютерную игру играл – А во-вторых, чтобы навигация по звёздам или там, гравитационным полям, привычнее проходила. Да и вообще, мало ли, что ещё эти умники придумают.

За всеми этими мыслями Сердюк не забывал стоять навытяжку, ожидая давно уже положенной команды «вольно». Но генерал молча его разглядывал, и глаза старого вояки становились всё больше и больше, всё удивлённее и удивлённее. Наконец он дёрнул подбородком и произнёс что-то невнятное на незнакомом языке. Голос вполне соответствовал внешности, но это и всё, что смог уловить лётчик. Слов он не понял, поэтому продолжал стоять по стойке смирно. Генерал ещё более выразительно произнёс какую-то команду. Потом на секунду расфокусировал взгляд и что-то еле слышно пробормотал. Тут же дверь открылась и перед Андреем появился типичный, как у них называли, штабс-капитан. По лицу вошедшего офицера было видно, что врага тот встречал только в пропагандистской литературе, бойцов ненавидит и боится больше, чем все войска потенциального противника, зато в каждом кармане имеет полную обойму шариковых ручек всех цветов. Ну, или чем тут они вообще пишут.

Но вошедший вместо ручки ловко достал почти из воздуха тонкий серый пластиковый браслет и уверенным движением прицепил его на руку Сердюку. То, что штабс-капитану при этом пришлось согнуться в позу ротного пулемёта, его не волновало.

«Обнаружен запрос соединения. КрипТан ID: FFF3678905AC457B78564279DEA76543790074. Произвести включение устройства в систему?» Ну как тут не согласиться? Зато следующую фразу генерала Сердюк уже воспринял будто на родном языке.

– Здравствуйте, майор. Присаживайтесь. Обсудим план вашего пребывания в учебной части.

– Спасибо, – непривычно для себя по-домашнему ответил Андрей и опустил на пластмассовый стул.

Беседа длилась минут двадцать. За это время тот же ординарец, или как тут его должность называется, принёс вполне приличный кофе, только почему-то не коричневого, а всё того же вездесущего зелёного цвета. Впрочем, на вкус не повлияло ни изменение гаммы, ни то, что местный напиток назывался «робус». Сама же беседа оказалась весьма содержательной. И содержала она практически один лишь монолог генерала. Хозяин кабинета очень критично высказался о возможностях керосиновых махалок, скорость которых ограничена несчастными тремя-четырьмя махами, о реакции и подготовке пилотов, рулящих этими тихоходными калошами. Кроме того, воинский начальник высказал одобрение состоянию дисциплины, проде-

монстрированному новичком, и надежду, что со временем тот даже сможет управлять современной боевой техникой без инструктора. А для начала посоветовал встать на довольствие и принять в базовый коммуникатор расписание занятий, которые начинаются как раз завтра, так что майор Сердюк успевает получить на складе обмундирование и снаряжение, и даже поужинать.

Кроме того, базком, беззастенчиво вклинившись в речь старшего по званию, объяснил, что браслет, полученный от ординарца, на самом деле называется КрипТан, то есть крипто-анализатор. И кроме прочих функций расшифровывает неизвестные пользователю языки и переводит их на язык системы.

В конце аудиенции генерал торжественно протянул майору крошечный диск, размером чуть больше таблетки, и понадеялся, что тот вскоре подтвердит своё воинское звание.

И уже потом, когда Андрей выходил из кабинета номер три, диск вдруг исчез, растворился прямо в ладони, будто просочившись сквозь кожу. А базком тут же сообщил о предоставленном внутреннем личном номере и допуске на некоторые объекты. А перед глазами вывел крошечный навигатор, который указывал путь до курсантского общежития.

За дверью Сердюк к своему удивлению встретил Пашу Полусухого. Тот только что не подпрыгивал на одной ножке от нетерпения.

- Ну что? – горя глазами, спросил тот.
- Назначение получил. Теперь на довольствие и заселяться.
- На довольствие, – завистливо протянул Паша. – Это кормить будут, да?
- И кормить тоже.
- Везёт... а я тут всё жду. Уже ползала разбрелось, а я всё стою. Жрать хочу, как из пушки. Будто и не виэр вовсе, а самый махровый реал.
- Не спешат ваши танкисты...
- Не танкисты. Мне ещё там, в реале, ОБЧР обещали.
- Что обещали?
- Огромного Боевого Человекоподобного Робота.
- Ого! Это как в трансформерах что ли?
- Скорее, как в Аватаре.
- Ну ты, товарищ Полусухой, хоть пройдишь потом передо мной в своём боевом костюме, а то я такого никогда не видел.

Собеседник грустно улыбнулся.

– Это вообще, если дадут, а то вон, мурыжат сколько. Да и вообще, вы же, пилоты, и на поверхность-то толком не спускаетесь, так и тянете службу на базе или вообще, корабле-матке.

– А ты откуда знаешь? – Андрей всерьёз удивился осведомленности Паши. В первую очередь ему, а не пехотинцу, следовало знать такие подробности. Но всё оказалось проще.

– Так во всех играх так, – пожал плечами собеседник.

Базком уже нетерпеливо мигал стрелочкой, и Андрей поспешил свернуть разговор.

– Ну жди. После свяжемся, а то у меня тоже времени нет.

Нужно было поторопиться – стрелочка мигала всё настойчивее. А ещё необходимо где-то найти аптеку и купить какой-нибудь Кларитин или другой какой Зодак. Новичку в расположении без прописки не обойтись, а это значит, придётся пить. Нужна аптека. Где здесь ближайшая? Но не вовремя навязчивый базком, когда нужно, не отреагировал на мысленный призыв хозяина. А значит, придётся мучиться.

Каким кошмаром является аллергия на алкоголь в ВВС, курсант Сердюк понял ещё на втором курсе, когда довольный идеально выполненной коробочкой, инструктор протянул ему склянку с полтинником спирта и поощрительно кивнул.

– На. Со стекла, – одобряюще сказал он.

А через пять минут уже тащил незадачливого курсанта в медпункт. У никогда ранее не пробовавшего алкоголь Андрея, опухло всё лицо, дыхание еле просачивалось сквозь отёкшую носоглотку, он с трудом держался, чтобы не свалиться в беспамятство.

Дальнейшая служба была омрачена этим страшным недугом. Нести на борту три сотни литров спирта, подлежащего списанию после каждого вылета, и не иметь возможности им воспользоваться. Другие бы посчитали это адскими муками. Но Сердюк до училища не пил, даже не пробовал. А потом, из-за неприятных последствий, так и не смог понять радости употребления. Нет, в дальнейшем он, конечно же выпивал со всеми, накачавшись предварительно препаратами от аллергии, но даже с медикаментозной поддержкой организм больше полпромила не выдерживал. Кровь вскипала, и тело, наплевав на присутствие лекарств, выдавало все причитающиеся случаю симптомы. Так что особой охоты к выпивке Сердюк так и не получил.

Вот и сейчас, понимая, что совместная пьянка является неременным атрибутом вливания в коллектив, майор озадачился поиском антигистаминов. Базовый коммуникатор не внял мольбам страдающего пользователя, поэтому первому вопрос был задан баталеру.

Невысокий, худой, зеленокожий каптёрщик сначала непонимающе тараторил огромные глаза, затем задумчиво забарабанил пальцами по стойке. Сердюк изумлённо заметил, что пальцев у него на руке шесть.

– У нас не продаются медикаменты. Могу предложить только полевую аптечку. Там есть антитоксины. Весь алкоголь будет разлагаться и выводиться из организма. Сразу же, как попадёт.

– Это мне что, к столу ночной горшок вместо стула ставить? – невесело улыбнулся Андрей.

Но зелёный в ответ лишь очень по-человечески пожал плечами и придвинул стопку с обмундированием. Интересным, кстати. Основным был комбинезон, очень напоминающий ВКК (высотно-компенсирующий костюм), но без пневмотрубок и с магнитными застёжками вместо молний. Поверх него лежала шапка, похожая на гермошлем, только мягкая, а рядом обычные на вид кроссовки на липучке.

В расположении оказалось всё тоже не так, как предполагал майор. Никаких шумных и неумных лётчиков, норовящих тут же утащить новичка за стол. Базком привёл его в небольшую двухместную комнату, как и всё вокруг, обшитую пластиком. Из удобств присутствовали душ без лейки, но с перфорированным потолком, привычный унитаз, встроенный в панель стены шкаф и две достаточно широких кровати. На одной из них стопочкой лежало нормальное постельное бельё, вторая была кое-как заправлена и даже прилично помята.

Сосед по комнате появился поздно, когда Андрей от голода готов уже был грызть пластик стен. Сдержанно кивнул новому постояльцу, и, не представившись, рухнул на нерасправленную кровать. Впрочем, базком исправил его оплошность, выведя над головой соседа позывной: «Карилума». Андрей повертелся ещё с минуту, соблюдая приличия, потом не выдержал.

– Привет, Карилума. Не подскажешь, где здесь поесть можно?

Тот молча подошёл к одной из стен, приложил ладонь к панели, и та тотчас отъехала в сторону.

– Тебе следует получить доступ к бытовой технике. – безэмоционально посоветовал он. – Приложи ладонь к панели возле двери для идентификации.

Как только Андрей это сделал, ему тут же открылись скрытые функции их жилища. И стиральная машина, и кухонный комбайн, оказывается, даже принять душ без идентификации он бы не смог. Но как только ладонь была приложена, базовый коммуникатор тут же подсветил те панели стен, за которыми пряталась техника.

Кухонный комбайн оказался многофункциональным устройством, чем-то напоминающим автоматы для продажи кофе, установленные в торговых центрах. Только деньги вносить не надо. А так, набираешь код блюда из меню, которое появляется на панели, и через минуту

можешь за обе щёки лопать непривычно зелёное картофельное пюре с огромным куском прожаренного до состояния подмётки мяса. Кофе, то есть, робус, в меню также присутствовали.

Сосед взирал на действия Андрея, не выражая ни малейших эмоций. Даже не двигался, и, кажется, не дышал. Сердюк сначала хотел поговорить, разузнать, что тут где, но подумал, что Карилума, возможно, уснул с устатку, и не решился. Впрочем, через десять минут он и сам, чистый после душа, уже высвистывал арию храповищию.

Учебный класс напоминал... обычный учебный класс. Две одноместные парты, интерактивная доска, их сейчас куда попало пихают, и стол преподавателя. Единственное, чего не хватало – развешенных по стенам пособий. Но, в местных условиях плакаты можно и из проектора изображать. Они с Карилумой уже заняли свои места. Как понял Андрей, никаких других курсантов не предполагалось, так что они были вдвоём. Карилума, как обычно, молчал и не двигался, поэтому Сердюк первым заметил, как открылась дверь. Он вскочил и вытянулся в струнку.

– Смирно! – подсознание дало команду само.

К его удивлению Карилума поднялся, сложил руки лодочкой под подбородком и опустил глаза в пол. Его воротник при этом вытянулся к макушке и покрыл голову на манер капюшона. Андрей удивлённо косился на сокурсника, держась навтыжку. В класс зашёл... зашла женщина. В таком же лёгком костюме, какой был на майоре, только её был явно на пару размеров меньше, чем нужно, и обтягивал фигуру на манер латекса. Сердюк непроизвольно покраснел, отмечая все анатомические особенности, скорее, не скрываемые, а наоборот, подчёркиваемые одеждой. Базовый коммуникатор почему-то не торопился показывать имя вошедшей.

– Давайте знакомиться, – мелодичным голосом сказала женщина. Меня зовут капитан Такари. Я ваш преподаватель.

Базком, будто получив команду, тут же продублировал имя над головой преподавателя.

– Курсант Карилума.

Надо же, тормоз, а успел раньше. Андрей только-только рот открыл.

– Скажите, Карилума, почему вы так стоите?

Тот замялся, что проявилось в еле заметном движении рук.

– Курсант Сердюк подал команду «смирно», а это самая смирная стойка, которую я знаю, – пробормотал он.

Андрей внимательно посмотрел на соседа. Тот понемногу заливался красной краской.

– Представьтесь, пожалуйста, – пропела капитан Такари.

Сердюк очнулся.

– Майор Сердюк.

– Майором вы были до поступления сюда. Здесь, насколько мне известно, своя градация званий и своё вам придётся ещё подтверждать. Пока же вы являетесь курсантом, и так и следует представляться. Садитесь, пожалуйста.

Следующий час Андрей с удовольствием впитывал информацию о своей новой птичке. Это оказался внутрисистемный аппарат на гравитационной тяге. Выглядела машинка точь-в-точь как в фильме «Звёздные войны». Одноместная, с герметичным фонарём и четырьмя крыльями, разнесёнными в стороны с кормы. Крылья, как оказалось, нужны не для планирования. На них располагались ионные двигатели, служащие как для маневрирования, так и для коррекции тяговитого, но не точного гравитационного двигателя. Скорость машинка развивала до ста семидесяти махов. Это же больше двухсот тысяч километров в час, с восторгом перевёл бывший майор. До луны за полтора часа. В животе приятно потеплело.

Вооружение тоже не оставляло желать лучшего. Две кинетические пушки со скоростью выстрела в триста махов и энергией в девяносто две тысячи джоулей. Солидно. Кроме того, аннигилирующее скорострельное орудие. Принцип его действия Андрей понял не сразу. Но на этот тип вооружения капитан Такари особенно обращала их внимание. Пушка хорошая,

эффективная, но выстрелы дорогие, кроме того, в атмосфере её применять ни в коем случае нельзя.

Час занятий прошёл на одном дыхании, а в конце преподавательница раздала им маленькие, в ноготь, кристаллики, похожие на соль.

– Здесь ваше домашнее задание. Это описание, устройство, и инструкция по вашим летательным аппаратам.

– Матчасть, – невольно вырвалось у Андрея.

– Совершенно верно, курсант Сердюк. Вам следует считать эти кристаллы с помощью вашей нейросети.

Нейросети... Что-то базком про такую ничего не говорил. Андрей постарался мысленно обратиться к своему коммуникатору. Тот добросовестно отрапортовал, что подобных устройств в системе не обнаружено.

– Капитан Такари! – Сердюк поднял руку.

Женщина вопросительно глянула на него. При этом так взмахнула ресницами, что майор чуть не забыл, о чём хотел спросить. Но вовремя сконцентрировался, и...

– У меня в системе нет нейросетей. Как быть с представляемой вами информацией?

Преподаватель внимательно посмотрела на него, и ответила:

– Тогда вам следует задержаться после занятия, я провожу вас в библиотеку, где вы сможете загрузить информацию на подкорку.

Андрей мельком глянул на соседа по парте и замер в недоумении. Карилума смотрел на него злыми, сузившимися глазами. Зрачок его превратился в узкую щель, щёки покраснели, он впервые с момента знакомства глубоко дышал. Вот напасть, подумал Сердюк. А мне ещё с ним комнату делить. Как бы этот Отелло кошкоглазый не вздумал ночью втихаря избавиться от конкурента.

Глава 3

Библиотека оказалась очень похожей на привычные с детства читальные залы. Мягкие кресла за небольшими столами, лампы с абажурами... Только над каждым креслом висит странное грушевидное устройство, сразу же напомнившее Андрею советскую парикмахерскую. Перед глазами тут же всплыла картинка, он стоит, опасливо держа маму за руку, и с удивлением первый в жизни раз рассматривает женщин с огромными разноцветными гудящими горшками на головах. Потом мама объяснила ему, что это фены. А потом долго рассказывала, что такое фен, и зачем женщины сушат волосы вместо того, чтобы, как все знакомые мальчишки, дать им высохнуть свободно, без дополнительных устройств.

Здесь тоже каждое кресло заканчивалось ажурной металлической балкой, на конце которой крепился очень похожий горшок. Пара кресел была занята, и головы сидящих в них людей, а может и не людей, полностью скрывались в этих устройствах. Как объяснила капитан Такари, это мнемоники, или официально – мнемофиксаторы. Они помогают записать данные прямо в мозг. Женщина, игриво касаясь майора анатомически выгодными точками, вставила кристалл учебника в подсвеченное розовым гнездо и опустила ему горшок на голову.

Тут же Сердюку будто раскололи череп надвое, освободив мозг. Полилась информация. Полное ощущение, что он очень быстро читает учебник. Со скоростью встречных поездов мелькали строчки, летели диаграммы, схемы, всплывали в памяти чертежи. На всю матчасть ушло не больше получаса.

Встал из кресла Сердюк с ощущением, какое бывало в молодости, утром перед экзаменом. Голова гудела от переполнявших её знаний. И что удивительно, каждую строчку провалившегося в мозг текста он мог вызвать из памяти и перечитать. Схемы и графики вставляли перед внутренним взором по первому вызову. Неизвестно, надолго ли задержатся сведения, полученные таким нетривиальным способом, но сейчас, казалось, он знал о внутрисистемных истребителях всё. Вот только появилась одна проблема. При попытке разобраться в работе гравитодвигателя, Андрей упёрся в отсутствие связанных с принципом работы знаний. Действие мотора основывалось на особенностях формы гравитационного поля, а он даже не представлял в полной мере, что это такое.

Сердюк постоял в нерешительности. Капитан уже ушла, никого из персонала библиотеки он так и не встретил. Решил уже подойти к кому-нибудь из посетителей, но, подумав, отказался от этой идеи. Мало ли... Вдруг нельзя прерывать поток информации. Возьмёт, и лёгким движением электронного горшка превратит человека в клинического идиота. Или ещё что хуже. Он уже совсем собрался идти искать Такари, когда заметил на столе аккуратную кнопочку. Недолго думая, нажал, и тут же перед ним появился практически клон знаменитого по Звёздным войнам R2D2. Только самая верхняя часть плоская, а так в точности. Андрей помолчал, пытаясь сформировать свои желания...

– Мне нужна информация по гравитационным полям. Вся, начиная со школьной программы.

Робот понимающе свистнул, плоская макушка отъехала в сторону, открыв небольшое углубление, в котором лежал один единственный кристалл. Почему-то Сердюк думал, что там их будет множество. Вроде стопки книг или чего-то подобного.

Из библиотеки лёгчик вышел лишь через три часа. За это время он пролистал подшивку новостных изданий, впитал кучу знаний по экономике, юриспруденции, астронавигации, теории пространственного пробоя, и множества наук, о половине которых до того даже не предполагал. Кроме того, майор окончательно уверился в реальности окружающего мира. В его виртуальности он и раньше сомневался, но перелопатив историю, социологию, новости, убедился в естественности всего окончательно.

Как оказалось, вселенная, где он сейчас находился, представляла собой классический биполярный мир, одним полюсом которого являлся СТП – Союз Терраформированных Планет, частью которого с некоторых пор стал сам Сердюк. Антагонистом была некая Экспада, представленная в прессе и большинстве документов, как чуть ли не обитель зла. Кроме звёздных гигантов, включающих в себя сотни систем, во вселенной были и другие, не присоединившиеся ни к одной. Социальные схемы были совершенно разными. От классического самодержавия и до чуть ли не Новгородской республики с вече и выборными князьями.

От всех полученных знаний пухла голова, информация, не желая раскладываться по полочкам, так и норовила запутаться, кроме того, желудок всё явственнее заявлял о своём голодном существовании. Так что Андрей просто ссыпал горку усвоенных кристаллов на стол, и зашагал обратно, в жилой сектор. Людей в широких коридорах, как и раньше, было очень мало, но теперь это не удивляло. Из периодики он узнал, что многие чуть ли не годами не выходят из дома, работая удалённо, заказывая всё необходимое через сеть, и даже с друзьями общаясь по видеоконференции. Вспомнился восторг пожилой соседки после того, как он, ещё на Земле, оплатил широкополосный интернет в свой квартал, и ей наконец-то установили Скайп. Тётя Зоя, татарка, возрастом за восемьдесят, с восторгом хвасталась соседю:

– Представляешь, Андрюша, вроде, как и гости пришли, и кормить никого не надо.

Тогда он улыбался, а сейчас понял, что подобное общение здесь принято за норму. Как же они размножаются, подумал Сердюк. Неужели детей тоже через сеть скачивают?

Буквально в паре сотен метров от их сектора Андрея отвлекло характерное движение. Он аккуратно вернул на место уже занесённую для шага ногу и замер.

– ...и я хочу, чтобы вы, о несравненная, стали моей строгой госпожой. Я буду счастлив слизывать пыль с ваших стоп...

Всё-таки иногда криптан очень неудобная штука. Вот не было бы у него сейчас этого анализатора, и глуховатая, чуть в нос, речь курсанта Карилумы была бы просто белибердой. А так он стоит, и обалдело смотрит, как его сосед по комнате упрашивает капитана Такари стать его госпожой. К чести дамы, она смотрит на старательно унижающегося ученика с ноткой лёгкого презрения. Ну, или Андрею захотелось так увидеть. В любом случае, через секунду преподавательница его заметила. Лицо девушки мгновенно покраснело, руки вздрогнули, и она резко оттолкнула от себя пылкого влюблённого.

Тот, к несчастью, тоже обратил внимание на нежеланного свидетеля.

– Как низко подсматривать за разумным, изъявляющим свои чувства, – с пафосом вскричал, именно вскричал, а не завопил, или не сказал, Карилума. – Поступающий так не достоин называться пилотом объединённых сил Союза. И мой долг – не допустить этой трагедии. Дуэль!!!

Андрей заметил, что пока сосед по комнате рассыпал пафос, капитан весьма технично исчезла из поля зрения. Он даже не заметил, куда. Зато Карилума продолжал неистовствовать. Он подбежал к Сердюку и выставил перед его носом раскрытую ладонь.

– Я вызываю тебя, недостойный, – торжественно проговорил курсант.

– Тогда за мной выбор оружия, верно? – Андрей даже не успел ни испугаться, ни занервничать, уж больно комично выглядел его сокурсник. – Так вот. Я выбираю наши истребители.

Он прошёл мимо замершего в изумлении Карилумы и направился домой. Есть хотелось из всех сил. Даже если их в ближайшее время посадят на самолёт... что бы это ни было, лично своих машин курсантам не видать до конца обучения. А там, скорее всего, командир своё слово скажет. Кому в эскадрильи нужны дуэлянты? От таких никакой боевой ценности.

Следующий учебный день начался с занятия по тактике. Всё та же капитан Такари рассказывала об уязвимых местах большинства боевых кораблей Экспеды, причём ни разу не упомянула о таковых у кораблей СТП. Андрей удивился, но вида не подал. Хотя, в самом деле, как ему, случись что, оборонять родную базу, если он не знает, что в первую очередь прикрывать?

А ещё капитан старательно избегала его взгляда. А когда женщине казалось, что курсант Сердюк на неё смотрит, она почему-то краснела. В отличие от Карилумы. Сосед по комнате так и не появился дома. Андрей уснул, не дождавшись своего визави. И на занятиях сокурсник сидел бледный, как ионный выхлоп, и, кажется, спал. Оживился он только в конце занятия. Поднял руку, и только тогда Андрей заметил его неестественную бледность и синяки под глазами.

– Что тебе, курсант? – нарочито ровным, незаинтересованным голосом спросила преподавательница.

– Когда нам дадут наши истребители? – В словах Карилумы звучала решимость.

– К сожалению, я знаю причину, по которой вы хотите скорее перейти к практике. Также мне известно, что армедианцы, заиклившись на вопросах, связанных с их честью, не могут воспринимать никакую иную информацию. Таким образом, ценность курсанта Карилумы, как ученика, падает до нулевой величины.

– То есть сегодня? – в нетерпении повторил сокурсник Андрея.

– Я не могу этого обещать. Но после занятия я свяжусь с командиром эскадрильи, и сообщу вам обоим результат. Подождите меня, хорошо, Андрей?

Интересно, зачем она это делает, подумал Сердюк. Вон опять этот кошкоглазый смотрит на меня будто фашист на еврея. А ей хоть бы хны. Ведёт себя как мисс Красное Бутово. Или...

Он внимательно присмотрелся к преподавательнице. Ну да, вон, моторика изменилась, глаза горят. Да и дыхание не такое, как в начале урока. Она же наслаждается! Женщина – всегда женщина. Ей хочется, чтобы за неё рыцари сражались на турнирах, чтобы ей дарили шкуры самолично убитых мамонтов... А Карилума дурак, в рабы просился. Хотя, кто его знает, что у них на планете за порядки. Вдруг там матриархат?

Капитан Такари, будто уловив мысли Андрея, повернулась к нему.

– А у вас есть ко мне есть какие-то вопросы, курсант Сердюк?

Что-то неуловимо женственное было в этом голосе. Но спросила явно не для галочки.

– Да, капитан. Я хотел узнать, почему нас только двое в группе. Неужели на всей планете никто больше не хочет стать пилотом-истребителем?

– На планете? – она ехидно улыбнулась. – На планете, скорее всего, есть. Вот только мы уже не на планете. Неужели вы не заметили, что находитесь на орбитальной базе, курсант?

Карилума хотел что-то сказать, даже начал поднимать руку, но преподаватель его опередила.

– Хотя, у вас же нет нейросети. Да и цивилизация ваша, насколько я знаю, до сих пор использует реактивный способ выведения объектов на орбиту, верно?

Андрей смущённо кивнул. Неприятно, когда тебя вот так, походя, обзывают дикарём.

– Тогда я поясню. В отличие от реактивной тяги, гравитационной не надо преодолевать притяжение планеты, она его просто замещает. Потому вы и не заметили старта. По поводу же состава группы могу сказать лишь, что эскадре Ми-бемоль второй октавы в истребительную эскадрилью понадобились именно два пилота. Ещё вопросы?

Андрей машинально помотал головой, и только после этого догадал, что неплохо было бы спросить, что за Ми-бемоль. Он знал о номерных, именных войсковых соединениях. Даже о соединениях с цветовым кодом. Но с музыкальным встречал впервые. Ладно, у комэска спрошу, отмахнулся он. Но, видимо, приступ синдрома учителя у капитана Такари не закончился, потому что она, как ни в чём не бывало, вернулась к вскользь упомянутой теме.

– Относительно нейросети, курсант Сердюк, – менторским тоном проговорила женщина. – Я бы настоятельно рекомендовала вам её установить. Это заметно ускорит обмен данными с процессором вашего истребителя, кроме того, избавит вас от необходимости носить многие дополнительные устройства. Это как ходить, опираясь на костыли при здоровых ногах.

Да... Нейросети, нейросети, а я маленький такой... Сейчас согласишься, и окажется, что уже должен за саму сеть два чемодана денег, и ещё магазинную тележку за установку.

И трёхлетний контракт, по которому в итоге можно получить энную сумму, превратится в рабство.

– Знаете, – задумчиво ответил он. – Я как-то привык ходить на костылях.

– Ну смотрите, – ещё одна такая же улыбка. – Карилума вызвал вас, не меня...

Словно иллюстрируя собственные слова, капитан Такари на секунду расфокусировала взгляд, будто выпав из реальности, после чего с радостной улыбкой оглядела обоих курсантов.

– Итак, класс, поздравляю. Сегодня у вас первое практическое занятие. Командир эскадрильи дал добро.

Эскадрилья, как оказалось, базировалась на БШК «Камалани». Этот межсистемный корабль находился примерно в часе пешком от учебного сектора. Андрей шёл, как приезжий первокурсник по Питеру, практически, не глядя под ноги, хотя, казалось бы, коридоры и есть коридоры. Но ведь интересно же. То где-нибудь проедет грузовой гравикар, представляющий собой обычную на вид платформу с установленным на ней креслом. Ни руля, ни педалей, ни звука работающего мотора. Сидит некто на стульчике с отсутствующими глазами, и не скажешь, что управляет многотонной дурой. То мимо них, складно скандируя что-то невнятное, с лязгом и грохотом, пробежит взвод орбитальных штурмовиков, больше напоминающий тестирование продукции какого-нибудь Бостон Динамика. Пару раз приходилось уворачиваться от дронов доставки. Маленьких, не больше воробья, но нагруженных как осенние дачники. Для непривычного взгляда картина шокирующая, особенно когда понимаешь, что не этот вот ящик в локоть длиной является несущим, а именно еле заметная полусфера сверху.

На корабль попали, будто просто свернули в соседний коридор. Только после шлюзовых ворот гравитация резко увеличилась, приблизившись к земной. Как гораздо позже узнал Андрей, это сделано специально, чтобы организмы, упакованные в штурмовую броню, не вели себя на планетах, куда предстоит десантироваться, как беременные черепахи. Он согласился с таким решением – пусть заранее привыкают, быстрее будут двигаться в боевой обстановке.

Комэск оказался молодым, улыбчивым и синекожим. Глядя на него вспоминалась Махабхарата и прочие аюр-веды. Сердюк даже подспудно ожидал увидеть увеличенное количество рук, но оказалось, что нет, их две, как он и привык. Это уже позже майору стало известно, что около трети населения обитаемой части вселенной базируют свой метаболизм не на железе, как у нас, а на меди. И в крови у них не гемоглобин, а гемоцианин. Отсюда и необычный цвет. Возможно, именно от таких существ пошло известное земное выражение «голубая кровь», которое, что удивительно, есть в большинстве языков. Сейчас на Земле, насколько помнил Андрей, медью в крови пробавлялись некоторые породы осьминогов, и, кажется, пауков.

А тут вот он, носитель голубой крови собственной персоной. Стоит, смотрит на Сердюка и хитро улыбается.

– Здравия желаю. – привычно, совсем как на Земле, он вскинул руку к виску. – Подполковник Лунакоа. Я уже слышал о дуэли, так неосторожно назначенной курсантом Карилумой, и не хочу терять лётный состав до начала боевых действий. Поэтому предлагаю вам следующее.

И смотрит на них обоих. Андрей почему-то не может воспринять это всерьёз. Ну не укладывается в голове у советского офицера понятие дуэли. Чай, не старый режим, всякие Дубровские с Болконскими кончились ещё сто лет назад. В его время о таком бретёре тут же кто надо шепнул бы дивизионному молчи-молчи, и уже через день поехал бы этот забияка в какой-нибудь ЗабВО, что кроме официального Забайкальский Военный Округ, расшифровывается ещё и как Забудь Вернуться Обратно. Так что, какая дуэль? В крайнем случае соцсоревнование.

Но вон, Карилума смотрит, будто каждый из присутствующих у него месячную зарплату одолжил и не возвращает.

Андрей прислушался к себе. Ему в эскадрилья нравилось. И комэска нормальный мужик. Понятный, свой. О лётсоставе заботится, и, понятное дело, афедрон свой заранее от непри-

ятностей прикрывает. Это нормально. Кому в экипаже нужны конфликты? Опять же, у него, небось, карьера, в отставку, поди, генералом хочет выйти. Тут следует контролировать, чтобы всё ровно было. И техники не жопы в ангарах плющили, а делом занимались. И лётсостав чтобы не простаивал. А главное, чтобы личных конфликтов ни у кого не было.

– Таким образом, набравший большее количество очков объявляется победителем вашей импровизированной дуэли. Ну а у проигравшего остаётся надежда подтянуть боевую подготовку и впоследствии взять реванш.

Вон, улыбается комэск. И улыбка какая-то пластиковая. Ненатуральная. Ясное дело. Дуэль, если Андрей правильно понимает, дело чести, а он предлагает вместо неё... Ещё бы в преферанс предложил перекинуться. То-то Карилума глаза закатил.

– Вы не понимаете! – едва не сорвался на визг его сокурсник. – Для вас честь – это что-то абстрактное, несуществующее. Вы не армедианцы!

– Успокойтесь, курсант Карилума. – А это уже Такари. Вон, улыбается так, что хочется её обнять. Грудью к кошкоглазому потянулась. – Вы же всё равно ещё даже не видели своего истребителя.

Тут и комэск включился.

– Да, идёте, посмотрим, каких птичек вам выделили.

А «птички» оказались хороши. Было в их облике что-то стремительное и хищное. Хотя, крыльев на взгляд Андрея не хватало. Ну и размер мог бы быть побольше. А то стоят такие, чуть крупнее легкового автомобиля, в верхней части овальное отверстие, в нём кожаный бесформенный мешок. Из приборов только две щели пять на двадцать сантиметров, куда ладони погружать. Но стоило влезть внутрь...

Подполковник всё показал, чуть ли не под ручки внутрь посадил, и даже самолично приладил сверху горшок мнемоника. Почти такого же, как в библиотеке, только поменьше и аккуратнее. Причём постарался, чтобы тот не свёз в сторону сеточку базкома. На немой вопрос ответил:

– У вас, курсант Сердюк, отсутствует нейросеть. Сразу вы её почему-то не установили, а теперь уже некогда. Поход через три дня. Так что нужен мнемофиксатор для обмена данными и командами с процессором. Вот сеть поставите, тогда – пожалуйста, никаких украшений на голове не будет.

Тут и базком о себе заявил. Обнаружено, мол, устройство. Палубный истребитель, АйДи какой-то. Ясное дело, подключить.

Информация хлынула в мозг, как холодная вода на крещение. Сначала не продохнуть, а потом организм мобилизовался, как-то сконцентрировался, и вот Сердюк уже видит, что боекомплект у него полный, скорость ноль, высота ноль, запас энергии семьдесят процентов, и ещё сотня всяких нужных и не очень параметров. А уж когда опустил ладони в полагающиеся для этого углубления...

Он почувствовал готовность птички сорваться с места, лёгким движением глаз подвигал стволы бортового вооружения. Такого слияния с самолётом в его жизни ещё не было. А тут и говорящая шапка включилась.

– Курсанты, говорит капитан Такари. Первое упражнение – взлёт-посадка.

Да нет ничего проще. Уж это упражнение он в своей жизни миллион раз повторил. Чуть разогнаться, нос вверх... А нет здесь тангажа. Гравитация-то привязана непосредственно к борту.

– Курсант Сердюк просто дайте вашему «метеору» команду на взлёт.

– Взлёт!

Вот он рванул! Ну и как его сдерживать? Ему же взлёт-посадку отрабатывать, а не свечку со штопором. Да, ему переучиваться придётся достаточно долго. Но ничего, кое-как заставил машинку выровняться, скорость сбросил. Но садиться уже некуда. Пришлось заваливаться на

кры... Ах да, крыльев-то нет, так что просто на бок. Дуга, развернулся, и аккуратно вниз. Даже скорость получилось подгонять, просто чередуя в нужной последовательности команды «быстрее» и «медленнее». Как оказалось, их даже вслух произносить не надо. Над ВПП завис, почти как вертолёт, чуть нос только задрался, как раз для посадки. И аккуратно, будто на жёрдочку, посадил птичку прямо перед воротами ангара. Вылезать не хотелось. Хотя и толком ничего не видел в первый полёт, но всё равно, ощущение неба пьянило.

Только сейчас обнаружил, что вместо привычного фонаря мягкое пилотское кресло закрыто абсолютно прозрачным, но непробиваемым полем. По команде «фонарь» оно тут же исчезло, не как в кино, расползаясь и переливаясь, а без спецэффектов – было и сразу нет. Выпрыгнул на гулко отозвавшуюся броню палубы. Какое всё-таки счастье, ходить на своих ногах. Руку к виску.

– Товарищ капитан, курсант Сердюк упражнение закончил.

Такари улыбается, впрочем, это её нормальное выражение лица. А вот комэска недоволен. Как он его понимает. Такого курсанта впору обратно за тренажёры сажать, ну или с инструктором.

– Товарищ капитан, прошу разрешения повторить упражнение. Я собой недоволен.

Вот теперь оба кивают. Правильное решение. Карилума уже вновь сидит в своём метеоре. Интересно, его тоже повторно скакать отправили, или он уже на коробочку перешёл? А то в первый полёт ничего толком не разглядел, не говоря уже о том, чтобы за сокурсником наблюдать. Но вон, взлетает. Аккуратно, не то, что Сердюк.

На этот раз взлёт прошёл проще. И скорость птичка дала, какую надо, и угол выдержала. Вот только...

Перед глазами вырос истребитель Карилумы, почему-то подсвеченный красным. И с него в сторону Сердюка полетела очень знакомая очередь...

– Защищайся!

Да, именно так и делают люди чести, блин. Объявляют дуэль уже после удара. Но уходить-то всё равно надо. Команды сыплются почти сами. Вверх, влево, быстрее, на правый... Вроде, мимо. Да, вон, пробарабанили по корабельной броне. Ну и идиот Карилума, перед ВПП стрельбу затеял. Ещё очередь. От этой уйти сложнее, но и скорости уже выше. Уходим вправо, подальше от борта, вроде мимо, но этот гад сел на хвост. Свечка... Или птичка такой команды не знает, или по-другому надо. Вверх. Быстрее, а теперь вниз.

Справа сзади видится вспышка, и тут же истребитель сносит в сторону. Прямо на оружейную башню. Сердюк с трудом обходит препятствие, резко тормозит... Хорошо, здесь гравитации нет, а то бы голова оторвалась с такими перегрузками. Птичка как-то по-человечески чихает и камнем летит в неизвестно откуда взявшуюся то ли трубу, то ли шахту. Падение неглубокое, метров десять, но уже и фонарь разгерметизировался, и двигателей не чувствуется. Истребитель валится, как утюг. Тут-то и пригодился местный ВКК, или как его тут называют, ЛК, то есть лётный комбинезон. Гермошлем не даёт задохнуться, а сам костюм стал твёрдым для компенсации удара. Свою роль сыграло и кресло-мешок.

В общем, из птички Андрей выбрался невредимым. Но где он сейчас, и как отсюда добираться обратно, неясно.

Глава 4

Быстро и аккуратно осмотрел себя на предмет повреждений. Визуально, вроде, порядок. Переломов тоже никаких не ощущается, да и не чувствовал он боли при падении. Костюм, кстати, вполне себе вернулся в первоначальное состояние и панцирь больше не напоминал. А вот «говорящая шапка» полностью перешла в режим гермошлема. Силового поля-то над головой больше нет. Высвободил ноги и привычным движением выпрыгнул из истребителя. Ну да. Это на Земле такое движение было привычным. А тут, на внешней стороне БШК, его тело весило хорошо, если пяток кило, а то и ещё меньше. Так что с резвостью блохи долетел в прыжке почти до края шахты, после чего неспешно, будто воздушный шарик, опустился обратно.

Подхватил птичку за стабилизатор и легко, вполсилы, дёрнул. По ощущениям килограмм семьдесят. В принципе, можно и на горбу обратно дотащить, если бы не одно «но». Сколько там, в костюме, кислорода? Ведь ни баллонов, ни регенератора какого. А улетел он уж точно не на сотню метров. Уже сейчас чувствуется, что содержание углекислоты повысилось, а если через какое-то время... Да и время это он не сидеть неподвижно будет, а переть на себе тяжёлую, а главное, громоздкую, дуру. Кстати, как там птичка в целом? Может, можно просто сесть и добраться штатным порядком?

Андрей тщательно обследовал истребитель. Из повреждений заметил только треснувший почти по кругу горшок мнемоника. Ну вот. Улететь из этой дыры точно больше не светит. А значит, что?

– А дыра – это нора, – процитировал он Винни Пуха.

Ведь не просто так эта шахта. Небось, ракеты какие-нибудь из неё выпускают, или там, десантные боты. Хотя, для ботов места, наверное, маловато – метра два в диаметре. Но что он знает о десантных ботах? В любом случае, здесь должны быть пусковые ворота, или там, к примеру, люк.

Люк был. Как и положено, в самом днище. Прилегал он плотно, с трудом удалось различить щель между стенкой и крышкой. О том, чтобы его отодвинуть снаружи, да ещё и вручную, и думать не стоило. Но ведь как-то сюда должны попадать люди! Да хотя бы те же техники для обслуживания. Вон, космос-то, оказывается, не такая и пустота. Пока летал, даже за такое короткое время пару раз заметил, как мелкие то ли камешки, то ли ещё какая ерунда, искрят по отражающему полю. А тут дыра такая, что был бы воздух, точно было бы эхо. Вот влетит сюда булыган на пару тонн, и всё, писец котёнку. В бою подгонят ракетчики с той стороны местный Тополь-М, запустят в врага, а он упрётся в препятствие, и спалит на фиг всё, что сзади. А то и рванёт прямо в пусковом устройстве. Никакие переборки не выдержат.

А это значит...

Ну да. Лючок обслуживания нашёлся у самого дна шахты. Маленький, по пояс, и узкий, он имел одно неоспоримое преимущество – открывался снаружи вполне естественным на вид поворотным замком. Андрей привычно крутнул штурвал. Ничего. Не ворочается. Ещё раз. Нет эффекта. Собрался уже искать что-нибудь напоминающее рычаг, но, не задумываясь, повернул рукоять штурвала в обратную сторону, на запор. Дверца резко отлипла, в лицо из щели вырвалось лёгкое облачко и тут же осело на пол мелкими искрящимися частицами. Вот блин, додумались же в обратную сторону резьбу нарезать, проворчал про себя Сердюк, но тело уже протискивалось внутрь. Ничего, нормально залез. Впереди ещё одна дверь, уже побольше. Штурвал вообще не крутится, ни в какую сторону. Стоп! Это же шлюз! Обернулся, тщательно запер внешнюю, и только тогда смог открыть внутреннюю дверь. Вот теперь нормально. Костюм еле заметно сдавило снаружи от мгновенно изменившегося давления, едва видимая пелена сило-

вого поля на гермошлеме исчезла и дышать стало не в пример легче. Вовремя он. Ещё с полчаса, и угорел бы от переизбытка углекислого газа.

Так. Теперь осмотреться. Странное помещение. Освещение, похоже, дежурное, неяркое, и спектр тревожный, красный. Вокруг непонятные конструкции в проводах, с мощными шаговыми приводами и трубами, уходящими во внешнюю броню. Солидными такими трубами, почти в метр диаметром... Хотя... Очень похоже, что это какая-то бортовая батарея. И не трубы это вовсе, а стволы местных пушек, или что тут вместо них.

Слева послышался тихий шорох и боковое зрение уловило сдвинувшуюся тень. Андрей резко обернулся. И срезковки никакой не выдали. Если что, отбиваться придётся кулаками.

– Кто здесь? – голос испуганный, нервный, и какой-то дребезжащий.

– А здесь кто? – лётчик постарался придать своим словам твёрдости.

– Й... Я. – тихо и неуверенно ответил неведомый собеседник.

Тень заходила ходуном, шорохи умножились, явно понимая, что терять больше нечего – скрывающийся обнаружен. Нужно было разрядить обстановку, а то ведь пуля, или там, энергетический сгусток, от нервного оппонента – не лучшее начало диалога. А следует вызнаться, как отсюда пробраться в ангар истребителей. Что-то надо сказать такое, чтобы этот, за лафетом, перестал бояться. Рассмешить что ли.

– Я? – продублировал Андрей фразой из известного анекдота. – Не может быть. Я же тут.

В углу долго молчали и шоркались, затем наружу высунулась всклокоченная голова.

– Ты не от них, – задумчиво произнёс кто-то. – Ты... А-ха-ха! Да ты сам отказник! Это ты правильно пришёл, да. Молодец. Так им всем и надо.

Собеседник, как чёртик из коробочки, выскочил из тени в освещённое пространство и дал себя осмотреть. Небритый, чёрные с проседью, всклокоченные и немые, волосы. Сизые мешки под красными, беспокойными, глазами. Какая-то неестественная, больная, улыбка. Сам худой, одет в привычный уже комбинезон слишком большого размера. Незнакомец ни секунды не стоял на месте. Сначала он подскочил почти вплотную, затем сделал поспешный шаг назад, и его руки загуляли по комбинезону, то наводя стрелки в самых неожиданных местах, то чвакая магнитными замками клапанов, то сплетаясь и начиная сложные фигуры танца тонких, узловатых, пальцев. При этом лицо его, казалось, хотело продемонстрировать долгожданному собеседнику всю мимику, выученную за время одиночества. Оно то становилось серьёзным и недоверчивым, то расплывалось в по-детски откровенной улыбке, а временами собеседник строил вообще невообразимые рожи.

– Ты иди, иди, не бойся – с ехидным смешком сказал незнакомец. – Мы ещё всем им покажем, что такое настоящие, живые люди. Они же все дураки, да. Они же не понимают, что променяли душу на тупые цифры. А ты молодец, да. Я уж думал, я один на свете умный. А оказывается, нет, да. Ты ведь тоже понял, что эти железки выпивают из нас самую сущность?

Во время монолога Андрею пришлось повернуть головой, потому что собеседник ни мгновения не оставался на месте. Он то шагал, то вдруг начинал зачем-то гладить пушечный лафет, то приседал и высматривал что-то на полу. Но при этом продолжал говорить.

– Они купились, да. Купились на скорость обработки, и забыли главное.

– Что? – Андрей так и не понял, о чем хочет рассказать незнакомец, к тому же начал сомневаться, что добьётся внятного объяснения пути.

– Как что? Ты же и сам как я, да. Зачем спрашиваешь? Ведь и ты её снял. – Всклокоченный пригляделся. – А, нет. Ты не снимал. Ты умный. Даже, наверное, почти такой же умный, как я. Ты её вообще в свой мозг не пустил. Так и ходишь с базкомом. Молодец!

Он одним прыжком подскочил к Сердюку, ухватил его за предплечье и энергично затряс.

– Всё правильно сделал! Они же нас убивают, да. Они заменяют наше подсознание на тупую работу процессора. Душу на железку!

– Да кто, они?

– Ха! Нейросети, кто же ещё. Не знаю, какой гад их придумал, но когда-нибудь они нас убьют. Пф-ф! Подумаешь, скорость обработки быстрее. Е-рун-да! Да-да! Вот тебя как зовут? – мгновенно сменил тему незнакомец.

– Андрей.

– А я Гатыч. Доктор Уго Гатыч. Привет.

– Привет...

– Вот скажи, Андрей, когда ты понял, что нейросеть – это смерть?

– Да я об этом впервые от тебя слышу.

– Как?! – Уго отпрыгнул от него, будто увидел опасность. – А почему тогда...

– Не успели. Я в вашем мире всего без году неделя.

– Без году неделя? Это как? Впрочем... Но, – он запустил пальцы в шевелюру и яростно зачесал. – Нет, не может быть. Нейросети ставят в крайнем случае, при выходе на службу. А у тебя её нет! Ты мне врёшь? Признайся, врёшь, да?

– Так я и не служу пока. Я курсант. Да, мне предлагали нейросеть, но я отказался.

– Молодец! – Гатыч нервно заходил взад-вперёд. – Тогда ты можешь остаться живым. Я тебе всё сейчас объясню.

Он легко подпрыгнул на полтора метра, привычно сел на металлическую поверхность лафета, и заиграл пальцами сцепленных рук.

– В общем, они нас убивают, да. Впрочем, я уже это говорил. А что же тогда не говорил? А, вот! Пойми, Андрей, когда человек соглашается заменить собственную вегетативную систему на нейросеть, это всё равно, что он меняет ноги на быстрые, но механические протезы. Да, реакция возрастает, да появляется возможность залить прямо в сеть не только теоретические знания, но и практические навыки. Но ведь при этом умирает подсознание! А что такое подсознание?

Гатыч резко уткнул вывернутые ладони в колени, из-за чего его плечи и локти высунулись вперёд, а спина сгорбилась, и вопросительно посмотрел на собеседника. Андрей недоуменно пожал плечами.

– Вот! – удовлетворённо ткнул в него пальцем Уго. – И ты не знаешь, и все уже забыли. Ведь это и есть наша личность, наша душа. Вся память, все навыки, весь опыт, всё оно там. Всё, из чего мы сами и состоим. А у них, – он неопределённо ткнул пальцем через плечо, – вместо души сеть. Ты понял?

– Почему ты здесь? – Андрею стало интересно. Собеседник явно не в себе, может быть даже душевнобольной. Но рассказывает неожиданные и на удивление логичные вещи.

– А! Ты же тоже здесь, верно? И я здесь. А почему мы здесь? Чтобы учиться! Видишь ли, эти, – он опять махнул пальцем за спину, – не учитывают одного единственного фактора. В обычной жизни он, может быть, незаметен, и ценность его, как определяющего, стремится к нулю, но если смотреть на человека не как на набор клеток и молекул, а на уровне разума...

Он нарисовал ладонями в воздухе перед собой круг, но так увлёкся, что соскользнул со своего импровизированного сиденья. Резко махнул руками, как крыльями, но бесполезно. Видимо, в его подсознании не было навыков левитации. Андрей успел поймать оппонента у самого пола, тот в местной гравитации весил чуть больше бидончика пива. Сердюк легко вернул Гатыча на место.

– Спасибо, коротко кивнул тот. На чём я там остановился?

– На человеке, как разумном существе.

– А, ну да. Так вот. Человек – существо разумное, да. А значит, в отличие от неразумной электроники, при выборе необходимого в сложившейся ситуации навыка, он не будет заниматься примитивным перебором, как процессор нейросети. – На этот раз Уго объяснял гораздо спокойнее, и, если бы не глаза и волосы, вполне походил бы на нормального, здорового человека. – Неизвестно, откуда это берётся, но при достаточном наборе вложенных в подсознание

навыков, при так называемом опыте, оно, подсознание, без перебора, без тщательной оценки параметров, мгновенно выбирает нужный в данной ситуации навык. Ну, ты же меня понимаешь, да?

Андрей задумался. Услужливая память тут же выдала картинку, как он, зелёный курсант, вспоминает строчки талмуда, выполняя определённые фигуры. А вот он уже офицер, с серьёзным налётом, делает всё не просто не задумываясь, но ещё и подгоняет параметры под задачу. Хм... В чём-то это Угатыч прав... А что, если...

– Ну ведь понимаешь, да?

– Я-то понимаю, – нетерпеливо ответил Сердюк. – Но как законтачиться с птичкой без нейросети? Не думаю, что горшок мнемоника поможет.

– Ха! – Уго всплеснул руками. – Мнемоник! Да мнемоник – это костыль, да. Для тех, кто не может пользоваться сетью, но не имеет навыков в подсознании. Тогда, чтобы хоть как-то действовать, им приходится цеплять на голову этот тюрбан. Вот, к примеру, я.

Он почему-то обвёл руками пространство вокруг, вместо того, чтобы ожидаемо указать себе на грудь.

– Ты думаешь, чего это известный доктор, нейробиолог, заперся в никому не нужной четвертой кормовой батарее? Ха! Да я как раз и пытаюсь избавиться от костылей. Думаешь, что я здесь делаю, а? О-о!!! Видишь эти орудия? А вот он я. И я ими учусь управлять. Безо всякой нейросети, без мнемоников на голове. Я уже месяц загоняю в подсознание навыки прицеливания и заряжания. И знаешь, что? Ещё немного, и я им всем покажу, да! Я уже управляю четырьмя орудиями одновременно, да.

– И как?

– Ну, – Гатыч заёрзал. – Не очень точно, но я уверен, и этот навык ко мне придёт. А зато, когда я впервые сунул ладони в панель управления, я вообще ничего не мог. А сейчас... Правда, попадаю не всегда. – Он покраснел и кинул быстрый взгляд на собеседника. – Но я же их не заряжаю боевыми! Только энергия, и той немного. Так что максимум, что может произойти – электромагнитный импульс. А после него всего-то и надо, что перезапустить технику, и потратить пару минут на диагностику. А... – Уго недоуменно посмотрел на Андрея. – А ты что, этого не знал?

Последнюю фразу Сердюк услышал уже на ходу, практически, в шлюзе. Ведь, может, этот клоун не так и не прав, может всё и получится. Уж у него-то лётного стажа и прочих навыков на пятерых хватит. Если птичка запустится, конечно... Он одним движением плюхнулся в кресло-мешок, резким жестом отбросил в сторону лопнувший горшок мнемоника, и, глубоко вдохнув, сунул ладони в щели панели управления.

Несколько секунд ничего не происходило, затем в голову полезли непонятные образы. Потом с полминуты на языке вертелась фраза «То лапы ломит, то хвост отваливается», и Андрей понял, у него ударен стабилизатор. Правый верхний. Долбанный Гатыч саданул своей пушкой, и он, Сердюк, зацепился плоскостью за выступ на броне. И сейчас стабилизатор безумно чешется, потому что штатная колония наноботов производит ремонт в полевых условиях.

Чешется... Стабилизатор. Андрей осмотрелся. Впрочем, никаких усилий это не требовало. Он прекрасно видел во всех шести плоскостях одновременно, кроме того, чувствовал, что сил у него ещё ого-го, девяносто четыре процента, боекомплект вообще не израсходованный. Лётчик оттолкнулся гравитационным полем от дна шахты и, неспешно корректируя вертикаль, чтобы не цепляться за стенки, взмыл в небо.

Вокруг сияющим ковром лежала ослепительно прекрасная звёздная россыпь. Под ней резными контрастными угловатыми тенями выделялась громада Большого Штурмового Корабля Камалани. А между этими двумя ориентирами, лениво корректируя гравитационный луч, одиноким альбатросом плыл он, Андрей Сердюк. Человек и пароход, подумал лётчик, и

тут же поправил себя. Нет, человек и истребитель. Как прекрасно было это чувство – не просто сидеть в мощной машине, устремлённой в небо, а самому быть этой стремительной машиной. Чувствовать, как микрочастицы чиркают по защитному отражающему полю, как антенны в стабилизаторах ловят пеленги, а процессор превращает их в координаты. Видеть всё на тысячи километров, а главное, ощущать себя живущим здесь, созданным для этой стихии.

А вон и Карилума. Вертится, ищет. Ну правильно, это же не он стрелял, да и птички сбитой пока не видит. А Андрей его – как на ладони. Сердюк чуть ускорился, чёрт, это невероятно, такая мощь, и полное ощущение, что не под капотом, а в нём самом. Подлетел, и, слегка сбросив скорость перед разгоном, ушёл в свечу с разворотом. Соперник заметил, заметался, попытался повторить манёвр, но где там. Сердюк уже у него сзади. Теперь гравилуч... Стрелять не надо, не враг всё-таки, поэтому стоит выпустить тот самый электромагнитный импульс. Залп! Всё. Противник сдох. Погасла пелерина отражающего поля, пропал фонарь и габаритные огни. Майор даже чувствовал, как у его соперника герметизировался шлем. Датчики, ставшие родными глазами, ушами и так далее, уловили не только полную остановку всех систем истребителя Карилумы, но и смтение, даже страх, самого пилота. Осталось только дотянуть строптивца до ВПП и сдать с рук на руки. Дело пары минут.

– Курсант Сердюк! – Это комэск.

– Я!

– Что у вас с мнемофиксатором?

– Вышел из строя, товарищ полковник.

– Хм... – командир почесал подбородок и долгим взглядом посмотрел на подчинённого. – Скажите, вам что-нибудь говорит имя доктор Уго Гатыч?

Сердюк замолчал, думая, как ответить на вопрос. Что Гатыч скрывается, это очевидно. То, что его убежище не секрет для первого отдела, тоже. Но какое отношение к нему имеет комэск? От ответа его спасла капитан Такари. Она неслышно подошла сзади к полковнику и, как продолжение диалога, сказала:

– К транспортникам пойдёт.

Полковник Лунакоа тут же обернулся к женщине, на ходу бросив Сердюку:

– Зайдёте ко мне вечером. – После чего уже преподавательнице, – Распределяйтесь, становитесь на довольствие, после доложите.

Такари довольно кивнула и улыбнулась своему единственному оставшемуся курсанту.

– Идёмте, Сердюк. Нам следует разместиться в общежитии, передать документы в канцелярию и получить полагающееся.

– А учёба? – не понял Андрей.

– Учёба никуда не убежит. С завтрашнего дня по эскадрилье объявляются учения, и вы принимаете в них самое непосредственное участие. Так что готовьтесь.

Уже выходя из ангара и переваживая свалившуюся информацию, лётчик переспросил:

– Я правильно понял, что в учебный сектор мы не вернёмся?

В ответ женщина улыбнулась.

– Для вас это будет затруднительно. Камалани только что стартовал к месту патрулирования. Так что двое суток у вас будут проходить учения в составе экипажа корабля, после чего прокол, на время которого вам надлежит налечь на теорию, а после, по результатам теста, вы будете распределены в боевой распорядок. А пока идёмте, Сердюк. Нам выделили места в общежитии.

– А Карилума?

– А Карилума, – она развела руками. – Он будет переучиваться на внутрисистемные транспорты. Там в экипажах в основном женщины, так что армедианцу, с его ранимым чувством чести, будет проще.

Комнату, к ужасу Андрея, им выделили одну на двоих. Он уже скис, представляя много-часовые ожидания возле занятого душа, многочисленные, оккупирующие всё свободное пространство, коробочки, бутылочки, баночки и тюбики косметики, всепроникающие запахи лака, геля, шампуня, и так далее. Неожиданно, шедшая впереди, Такари, не снижая скорости, сбросила комбинезон на пол и следующий шаг сделала уже сверкая молочно-белыми ягодицами.

– Я в душ, – бросила она через плечо. – Но не волнуйся, малыш, десяти минут мне хватит.

«Малыш» же застыл на месте, пытаясь скрыть внезапную естественную реакцию молодого организма. Затем махнул рукой, тоже сбросил одежду на пол, правда, не так ловко, как соседка, и плюхнулся спиной на первую попавшуюся кровать. В голове родилось подозрение, что нет смысла выбирать себе постоянное место.

Следующее утро ознаменовалось подъёмом по учебной тревоге. Как ни странно, спали они на разных кроватях. Нет, легли вполне ожидаемо, вместе, причём после праздничного ужина, который устроили пилоты эскадрильи в честь новичков. За столом его, тоже вполне ожидаемо, пытались спойть. Как оказалось, в конструкции внутрисистемного истребителя также присутствовал спирт. Немного, литров десять, и только на случай полётов в атмосфере. Но пилоты давно убедили местных интендантов, что туша БШК имеет достаточную массу, чтобы собирать вокруг себя какую-никакую атмосферу, так что расход незамерзайки неизбежен и в безвоздушном пространстве. Интенданты, списывающие под это утверждение свою долю, с удовольствием повелись на обман.

Вечер знакомств с лётным составом прошёл весело, можно даже сказать, по-семейному, если не считать вялые попытки новых коллег напоить Андрея. Впрочем, ему приходилось отбивать и более настойчивые атаки. Среди лётного состава были и девушки, причём, трое составляли устойчивые пары с сослуживцами-мужчинами, а пятеро имели статус свободных. Позже, когда они с Такари остались одни, он задал вопрос о женщинах среди пилотов.

– Таким образом укрепляется боевой дух, – ответила капитан. – Пилот, зная, что бок о бок с ним сражается его любимая, повышает эффективность от трёх до двадцати процентов.

– Надо же, а у нас наоборот, старались, чтобы всё и все, кто дороги воину, оставались за линией фронта. Чтобы было, что защищать.

– Ну-у. – Собеседница зевнула, потянулась, и два объёмистых шара её груди натянули тонкую ткань простыни, будто пытаясь вырваться на свободу. – Это эффективно... а-ах, – она вновь потянулась и зевнула, будто дразня молодого человека формами. – Это годится только если есть выраженный фронт. А какой в галактике фронт? Прокололи, ворвались в систему, обстреляли планету, сбросили десант, а после тяжёлую пехоту. А в это время, может, корабли противника делают то же самое с твоей планетой.

– Ха! – с Андрея даже сон слетел. – С моей планетой. Знать бы ещё где она, эта моя планета.

– Не, я не знаю, – она обворожительно улыбнулась. – Да и зачем тебе? В личном деле указан договор на три года. Вот закончится, тогда и будешь думать о возвращении.

– Я и не собирался дезертировать. Но знать, куда потом лететь, это, по-моему, нормально.

А утром базком вежливо, но настойчиво, сообщил ему о тревоге. Вскочили из комнаты через две минуты, чуть не столкнувшись в дверях. Андрею показалось, что Такари специально так подстроила, но размышлять на тему взаимоотношения полов было некогда. Сегодня командир назначил учения по тактическому построению и боевому взаимодействию. Сердюк улыбнулся в предвкушении наслаждения полётом, и в числе первых нырнул в мягкое нутро птички.

И вновь эти почти оргастические ощущения свободного полёта. Эта кутерьма звёзд над головой, под ногами, да со всех сторон. Чиркающие по отражающему полю мелкие частички были сродни щемотке. Какое это всё-таки счастье, чувствовать себя истребителем. Не пилотом истребителя, а им самим. Единственное, чего не хватало Андрею, это гравитации. Той, внешней, земной. Той самой, которая заставляет тело вжаться в спинку сиденья, швыряет тебя

влево и вправо, впиваясь упряжью ремня в бока и плечи, а потом дарит чувство свободного падения на горке или выходе из свечки.

Как оказалось, Сердюк держался вполне на уровне. Строй не ломал, с ведущим взаимодействовал грамотно, в эфире вёл себя согласно штатному распорядку. Даже со стрельбами у него прошло ничуть не хуже тех, кто пользовался нейросетью, то есть всех остальных. Только сначала он попытался взять слишком малое упреждение, не привыкнув ещё к местным скоростям, но, когда система наведения является частью тебя самого... Так что стрельбы проблем тоже не доставили. По итогам первого дня он оказался одним из лучших. А после построения комэск отозвал его в сторону.

– Итак, Сердюк, вы показали отличный результат. Я считаю, что дальнейшая практика вне состава эскадрильи вам ничего большего не даст. Теорию, конечно же, учите, занимайтесь. Тем более, за преподавателем далеко бегать не приходится, – он заговорщицки подмигнул. – А относительно практики...

Андрей, как положено, ел глазами непосредственного начальника, но желания поддерживать разговор не проявлял. Вопросы не было, а бежать впереди паровоза не стоило. Вчерашний разговор о докторе Уго Гатыче свёлся к паре фраз о том, что старик, в гипотезу которого никто не верил, оказался в чём-то прав, но судя по его собственному душевному состоянию новомодные способы обучения могут завести сознание не в ту степь. И вот сейчас командир, кажется решил вновь поднять ту же тему.

– Относительно практики, – не дождавшись реплики собеседника повторил он. – Что ты скажешь на то, чтобы на время стать инструктором?

Андрей удивлённо округлил глаза.

– Дополнительная ставка и подтверждение звания, – быстро добавил Лунакоа.

– Командир, – ответил Андрей. – Ставка, звание и так далее, это, конечно, хорошо. Но, блин, у меня же почти двенадцать тысяч часов налёта. Из них больше восьми – боевые вылеты. Двенадцать лет под фонарём. И нейросеть я в жизни не видел. А вы предлагаете, как я понимаю, поснимать сети с наших пилотов и начать учить их по той же системе, по какой учился я.

Комэск нахмурился, но молчал и явно ждал продолжения.

– Меня учили пять лет в училище. Потом я девять лет набирал практику по всему нашему миру. У вас есть столько времени? Особенно, если учесть, что я не преподаватель.

Полковник угрюмо покачал головой, после чего придвинулся вплотную к пилоту.

– У тебя нет сети, поэтому ты не слышал, какие разговоры пошли сразу после приземления. Девчонки, все, как одна, готовы медиков на части рвать, лишь бы им позволили снять нейросети. Кажется, они не понимают, чего сразу же лишатся, и потому полны решимости.

Андрей задумался.

– Полковник Лунакоа, я предлагаю, как только вы подтвердите моё звание, вернуться к этому вопросу. Тогда я смогу с ними поговорить уже как офицер, и думаю, желающих лишиться нейросети станет гораздо меньше.

– Хорошо, майор Сердюк. Я соберу личный состав в любое указанное вами время, – комэск довольно улыбнулся пухлыми, ярко-синими губами.

Глава 5

– Скажите, девушки, а зачем вообще вы пошли в истребители?

Пять женщин-пилотов, стоящих перед ним, задумались. Собрать их удалось только через трое суток, в проколе. До того некогда было провести даже короткую беседу, не то, что полноценное «политзанятие». Из восьми девчонок сохранили свои намерения относительно нейросети только пятеро, остальные перегорели уже к следующим учениям. А всего-то и надо было после посадки, на вопрос где он достал такие базы знаний, ответить, что баз у него нет, а учился он не полгода, как все, а четырнадцать лет в общей сложности. Трое тут же отстали. Остальные то ли не восприняли его слова всерьёз, то ли решили, что смогут освоить лётную науку быстрее. И вот сейчас они стоят перед ним, все, как одна, с лейтенантскими нашивками на груди, и почему-то медлят с ответом.

– Это престижно, – наконец решается одна.

Эрима Лавота. Красивая блондинка из синих. Андрей уже давно привык к наличию двух, даже не рас, а вообще химических систем в эскадрилье. Медные, как он их назвал, и железные общались, как ни в чём не бывало, думали практически одинаково, они друг от друга вообще отличались только в столовой. Медные больше налегали на морепродукты и бобы, а вот хлеб не жаловали. Больше никаких особенностей он не заметил.

– Ещё какие-то причины есть?

– Та шо ж! – полная, фигуристая брюнетка.

Барима Статич. Почему-то её речь криптан воспринимает как южнорусский говор, почти суржик. Примерно, как запад Ростовской области. Впрочем, во времена босоногого детства Андрея в его родной Дубовке говорили почти так же.

– Так нормальных-то парней где ещё найдёшь, – Барима пожала полными плечами. – А в истребители, поди, кого попало-то не возьмут. А знать, генкоррекцию у ребятёнка делать не придётся. Так и опять же ж престиж и пенсия. А коли я тут с ним буду, так, поди и не сбежит никуда.

– То есть, ты сюда пришла, чтобы выйти замуж?

– Ну... шо-то вроде того. Не, я и сама, когда лечу, то будто крылья, или как там. И нравится мне тоже. Но ведь без мужика-то никуда. А нам, бабам, об детках и муже в первую голову думать надо.

Она виновато развела руками и запоздало засмушалась.

– Ещё какие-то причины посвятить себя истребительной авиации?

– Мой майор, вы прямо скажите, что хотите услышать.

Это Сатра Нахашвами. Тоже из медных, лицом напоминающая изображения буддийских богов. Как он успел понять, девочка очень себе на уме. У неё, если и есть какая личная причина, озвучит в последнюю очередь.

– Нет, лейтенант Нахашвами. Если бы я хотел донести до вас какую-то мысль, я бы так прямо и сказал. А мне интересны те причины, которые каждую из вас побудили стать истребителем.

– Мне летать нравится.

Это Клава Табальтер. Причём, Клава – полное имя. Красивая, высоченная, на голову выше Андрея, широкоплечая блондинка. Министр пропаганды Геринг от её внешнего вида кипятком бы писал. Да и характер соответствующий, нордический. Вот и сейчас ответила чётко и по делу.

– Я правильно понимаю, лейтенант Табальтер, что вы хотите посвятить свою жизнь службе в москитной авиации?

– Да, мой майор!

Ишь, даже подбородок задрался. Обращения у них, конечно, не привычные. Либо «господин звание», либо «мой звание». Хотя, на его «товарища» никто не реагирует. Не лежит у Сердюка душа к этим непривычным вывертам. Но в целом, кто бы лучше всего подошёл для его плана, это именно Клава.

– Тогда я ещё раз хочу вас предупредить, Клава, что первый год, а может и дольше, вы мало, что будете из себя представлять, как пилот. А сравнимый с нейросетью опыт приобретёте не раньше, чем через пять-шесть лет. Вы готовы к подобной жертве?

– Да, мой майор!

О, как глаза горят. Эта точно готова. Если надо, и в огонь, и в воду. Как там Некрасов писал? Слона на скаку остановит и хобот ему оторвёт. Да, он бы, может, и не стал так упорно заниматься с девушками, если бы не совпали сразу два серьёзных фактора. Во-первых, на белый свет объявился нейробиолог доктор Гатыч с сенсационным заявлением, что он нашёл способ не удалять нейросеть, а отключить её, что гораздо проще, а главное, обратимо. И во-вторых, наличие среди женской составляющей эскадрильи её, Клавы Табальтер. Никаких сомнений, что эта белокурая бестия абсолютно верно поняла его предупреждения о невозможности пользоваться привычными навыками и знаниями, но всё равно не сошла с дистанции.

– Итак, девушки, – он ещё раз оглядел строй. – на данный момент я считаю готовой к новой, экспериментальной форме обучения только одну из вас, а именно, лейтенанта Табальтер. Поэтому её прошу остаться, а остальным... Смирно! Вольно. Разойдись.

Теперь девочка поступит в полное распоряжение Гатыча. Он как раз работает над системой общего обучения. Ну а потом, по выходу из прокола, ей займётся Сердюк.

Первые дни было сложно. Андрей сравнивал нового пилота с младенцем. Приходилось показывать абсолютно всё, и не по одному разу. Один взлёт отрабатывали два дня. Причём, взлетела Клава в итоге сама, а вот посадить её уже приходилось по гравилучу. Но у девушки оказалось просто бездонное самолюбие и всепобеждающая трудоспособность. Особенно это стало заметно после происшествия на Табаре-три.

Звезда Табár по размеру сопоставима с Солнцем, но имеет более зелёный спектр. Вокруг неё крутятся пять планет, и третья почти в астрономический единице от светила. Отсутствие угла наклона, среднегодовая температура в двадцать пять градусов почти по всей поверхности, исключая лишь полярные пояса, обеспечивают райские условия. Особенно, если учесть атмосферное давление в четыре раза превышающее земное, и тридцать процентов кислорода в составе газов. Скорее всего, именно поэтому вся суша Табара-три покрыта густыми и высокими лесами. Есть там и животный мир, правда, собственная разумная жизнь так и не развилась. А по словам ксенобиологов, и не разовьётся. Учёные утверждают, что достичь уровня самосознания животным, основным элементом питания которых является солнечный свет, невозможно. Нет борьбы за выживание. В самом деле, для чего охотиться друг на друга, например, двухметровым черепахам с зелёными панцирями, которым, чтобы поесть, достаточно полежать пару часов на солнышке.

Остальные животные также питались за счёт хлорофилла в крови. Единственными хищниками можно было назвать местных рыб. Они поедали планктон и водоросли. Ну и личинки насекомых, которые за доукольный период накапливали хлорофилл, съедая огромное количество зелёной массы.

Неудивительно, что планета с такими тепличными условиями использовалась лишь в качестве курорта. Единственным исключением было месторождение уникального бледно-зелёного мрамора с розовыми прожилками. Говорили, что владелец планеты, некий гражданин Ганкорского княжества, сначала построил курорт, и только потом обнаружил мрамор. Может быть, он так бы и забросил каменоломню, если бы Табарский курорт почти мгновенно не стал одним из самых популярных мест отдыха среди аристократических семей всей галактики. Неудивительно, ведь все, кто там побывал, мало того, что за три месяца расстались с лишним

весом без физических нагрузок и медицинского вмешательства. Они ещё и рассказывали невероятные вещи об окружении, принимающем приятные для отдыхающих формы и свойства. О самых изысканных напитках и угощениях, о вышколенной, предупредительной, но в то же время незаметной прислуге. А также о многих других чудесах, ставящих Табарский курорт не просто на одну ступень с лучшими местами отдыха, но и выше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.